

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Цензурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва 5-го марта
1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*
Цензоръ
Н. Гиляровъ—Платоновъ.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ.

Часть 1. Народныя былины, старины и
побывальщины. Москва, 1861 г., въ 8 д.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Изданы Обществомъ Любителей
Россійской Словесности. Два выпуска.
Москва, 1860—1861 г. въ 8 д.

Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣеть большее или меньшее значеніе по народу которому принадлежитъ, то—есть чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію челоѡка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Въ такихъ литературахъ національные интересы до того тѣсно связаны съ общечеловѣческими, что составляютъ почти нераздѣльное цѣлое. Національныя идеи и образы, переданныя Грекомъ въ Иліадѣ, были для всѣхъ европейскихъ странъ обязательнымъ предметомъ общечеловѣческаго образованія.

Счастливъ тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія; народъ, который, раскрывая свою національность,

двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственного и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣческой разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классичесесическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разныя времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскусственного средневѣковаго эпоса, то Италианцамъ и Испанцамъ въ художественномъ воссозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то Французамъ и Англичанамъ. И всякій разъ какъ заявляла та или другая нація свое умственное и литературное господство надъ прочими, ея писатели, ни сколько не теряя національнаго, мѣстнаго колорита, были для всей Европы представителями общечеловѣческаго образованія. Какъ въ первобытную эпоху броженія европейскихъ племенъ, скандинавскій и вообще нѣмецкій

апось служить для историка литературы мѣриломъ высшаго литературнаго развитія обновлявшейся тогда Европы, такъ потомъ искусственная поэзія трубадуровъ и труверовъ, возникшая на романской почвѣ., въ разныхъ странахъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, достигала полнѣйшаго, по своему времени умственнаго и нравственнаго сознанія, то въ поэмѣ Данта, то во французскомъ романѣ *о Розѣ* то въ повѣстяхъ Чаусера. Латинскій языкъ, принятый повсюду въ западныхъ странахъ, обобщалъ между ними идеи и сближалъ другъ съ другомъ народности, уже и безъ того тѣсно связанныя между собою интересами политическими и церковными. Какъ скоро возникало что замѣчательное въ одной изъ литературъ, тотчасъ же переводилось на другіе языки или передѣлывалось въ мастерскихъ подражаніяхъ. Такъ одинъ нѣмецкій священникъ переложилъ въ стихахъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, Чаусеръ перевелъ французскій романъ *о Розѣ* и многія изъ своихъ

повѣстей заимствовалъ у труверовъ¹, а во Франціи сначала подражали Итальянцамъ, напримѣръ, въ *Сотню Новыхъ Новеллъ*, въ *Гентамеронъ*, потомъ испанцамъ.

Взаимность умственныхъ интересовъ вызывала на соревнованіе, и время отъ времени выдвигалась на первый планъ въ исторіи европейской цивилизаціи то одна, то другая литература. Такія произведенія, какъ романы о Сидѣ, *Декамеронъ* Боккачіо, *Донъ-Кихотъ* Сервантеса, были не просто образики разныхъ національностей, но послѣдовательныя ступени общечеловѣческаго развитія въ его литературномъ выраженіи; и чѣмъ сильнѣе отпечатлѣвались въ такихъ произведеніяхъ мѣстныя особенности, тѣмъ большія права заявляла національность на свое всемірное значеніе. Слѣдовательно, національность не только не противопоставляла себя общечеловѣческому, но съ нимъ совпадала, служа ему извѣстною степенью на пути прогресса.

¹ См. Sandras, *Etude sur G. Chaucer consider comme imitateur des trouveres*. Paris, 1859.

Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не исключая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были на столько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы.

Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи. Нѣмецкій народный эпосъ еще въ времена до-историческія пустилъ глубокіе корни въ сказаніяхъ и преданіяхъ не только нѣмецкихъ племенъ, но и романскихъ, какъ это явствуется въ поэмахъ о Карлѣ Великому и въ повѣстяхъ

труверовъ. Темныя, до-историческія преданія кельтскаго эпоса оставили по себѣ слѣды въ поэмахъ изъ цикла Артурова, въ безыскусственныхъ народныхъ разказахъ и искусственныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ. На эпической основѣ родныхъ преданій нечувствительно стала возникать искусственность, въ связи съ просвѣщеніемъ, такъ рано начавшимъ распространяться изъ монастырскихъ стѣнъ по феодальнымъ замкамъ и городскимъ рынкамъ. Уже въ X вѣкѣ, въ то время какъ благочестивая монахиня Гротсвита сокращала свои келейные досуги сочиненіемъ латинскихъ драмъ по образцу Теренція, какой-то санъ-галльскій монахъ переложилъ въ латинскіе стихи одинъ изъ эпизодовъ народнаго нѣмецкаго эпоса о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Неизвѣстный испанскій авторъ XII вѣка уже на столько былъ искусенъ въ литературѣ, что умѣлъ передѣлать на испанскомъ языкѣ въ искусственные стихи народныя пѣсни о Сидѣ. Въ этой передѣлкѣ уже замѣчаются

слѣды французскаго вліянія.² Пѣвцы, скоморохи и разкащики, упражнявшіе свое искусство передъ грубыми баронами, исторически, послѣдовательно переносили поэтическое творчество отъ его народныхъ, эпическихъ начатковъ въ высшую, болѣе просвѣщенную сферу. Какъ въ скандинавской литературѣ, уже въ XIII вѣкѣ, къ эпическому матеріалу миѳологическихъ преданій присоединилось руководство къ искусственной поэзіи къ такъ-называемой *Новой Эддѣ* Снорра Стурлесона; такъ и поэты романскихъ племенъ подчинили свое воображеніе риторикѣ и піитикѣ, въ руководствахъ извѣстныхъ подъ именемъ *Веселой Науки* (*Gay Saber*), которая вполне соотвѣтствуетъ скандинавской *Скальдѣ*, такому же піитическому руководству.

Искусственный стиль поэзіи не только не могъ заглушить національныхъ преданій, но даже способствовалъ ихъ сохраненію для будущихъ вѣковъ, перенося въ область литературы то что, оставаясь между

² Damas Hinard, *Poë me du. Cid.* Paris. 1858. Въ 4 д. Стр. XXXIV и слѣд.

безграмотными, могло бы навсегда погибнуть, не закрѣпленное искусственнымъ стихомъ и письменами, могло бы исказиться, будучи случайно передаваемо изъ усть въ уста. Потому, не смотря на быстрые успѣхи въ развитіи искусственныхъ, литературныхъ формъ, древнѣйшія преданія нѣмецкаго эпоса о Зигфридѣ, Этцелѣ, Дитрихѣ, тянутся въ нѣмецкой литературѣ непрерывно до самаго XVI вѣка:³ такъ что литература нѣмецкая проникнута была силой и свѣжестью національнаго эпоса даже въ ту эпоху, когда реформа Лютерова открывала новые пути въ исторіи цивилизаціи всей Европы.

До какой степени дороги были произведенія народнаго, безыскусственнаго слова для испанской литературы даже въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда стала она развивать въ себѣ элементы для самой цивилизованной, искусственной дѣятельности, — можно судить изъ того,

³ См. Вильг. Гримма *Die deutsche Heldensage* 1829 г., гдѣ собраны по этому предмету свидѣтельства и указаны источники на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія отъ половины VI до XVI вѣка включительно.

что одинъ изъ знамѣнитыхъ писателей того вѣка, принадлежавшій къ высшей аристократіи, маркизь Сантиллана, по желанію самого Короля, донъ-Хуана II, собралъ народныя пословицы и составилъ изъ нихъ назидательную книгу, по примѣру притчей Соломоновыхъ, для чтенія наслѣднику престола, донъ-Энрику Кастильскому. Это собраніе пословиць, по числу стиховъ, было названо *Сто Изреченій* (Sentiloquio), и уже въ 1496 г. было напечатано. Въ слѣдующемъ, XVI столѣтіи, оно издавалось разъ девять или десять; такъ что созданіе простонароднаго мужицкаго типа, пошлаго, но изрекающаго мудрость въ пословицахъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, не было внесеніемъ въ литературу забытыхъ, свѣжихъ элементовъ народности, а художественнымъ воспроизведеніемъ того что уже пустило глубокіе корни въ искусственной, цивилизованной литературѣ.

Напротивъ того, на Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились

другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго, клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить; а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности. Такимъ образомъ, на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ, явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое—какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ конецъ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста

лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они сознательно и честно поддерживали его, будучи постановлены насильственной реформой въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. И такъ, не смотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе чудовищное, въ цивилизованныхъ странахъ не бывалое, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позолачиваетъ ихъ цѣпи лоскомъ европейскаго комфорта.

Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ самой себѣ, и стремится къ національнымъ идеямъ, то въ уваженіи къ свободѣ

человѣческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сходкѣ, то въ заявленіи претензій на ученую и поэтическую разработку русской народности и старины? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?

И дѣйствительно, все что ни бралось намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытоваго броженія. Говорять, будто бы когда-то у насъ процвѣталь классицизмъ. И точно, любили и на Руси отъ нечего-дѣлать помечтать о Грекахъ и Римлянахъ, даже писались классическія оды во вкусѣ

Пиндара, Анакреона и Горація, представлялись на театрѣ тяжеловѣсныя трагедіи въ родѣ Еврипидовыхъ и Сенекиныхъ. Но вошло ли въ русскую цивилизацію классическое образованіе? Постигло ли русское цивилизованное общество потребность въ изученіи греческихъ и латинскихъ классиковъ? Принесла ли за собою у насъ мода на классицизмъ массу переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ, переводовъ художественныхъ, въ стихахъ и прозѣ, которые распространила бы между грамотнымъ людомъ идеи классической древности? Правда, были кабинетные любители и знатока, но они составляли исключеніе, и работали больше для себя чѣмъ для публики, какъ Гнѣдичъ, котораго *Иліада* никогда не пользовалась популярностію, хотя и признавалась за трудъ почтенный, но не соотвѣтствовала общей потребности, и уже самымъ языкомъ своимъ, отзывающимся выпреннею рѣчью *Часослова*, отталкивала отъ себя читателей. *Одиссея Жуковскаго* ни на волосъ не

прибавить уваженія къ нашему классическому образованію, даже скорѣе представить намъ печальныйъ результатъ понапрасну возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ хлопотъ о классическомъ ученѣ. Задумавъ дать русской публикѣ въ переводѣ одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній греческой народной поэзіи, Жуковскій съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ классическому обученію на Руси, что не вмѣнилъ себѣ въ обязанность выучиться по-гречески, и не призналъ необходимымъ изъ самага подлинника почерпать свое вдохновеніе. Нѣкоторый ученый Нѣмецъ перевелъ ему греческій подлинникъ слово въ слово на нѣмецкій языкъ, и изъ этого надстрочнаго перевода, самага безобразнаго и чудовищнаго, Жуковскій извлекалъ красоты первобытной, наивной поэзіи гомерической. Понятно, слѣдовательно, почему его Одиссея оказалась чужда античной жизни и вылилась въ изношенномъ слогѣ *Съверной Пчелы* временъ Булгарина и Греча.

Жалкому состоянію литературы, въ отношеніи къ классицизму, соотвѣтствовала и вялая, болѣзненная прививка классическаго ученья въ школахъ, которое до сихъ поръ даетъ одинъ только пустоцвѣтъ. Отношеніе классической древности къ народному просвѣщенію до того было наивно, что учившійся въ гимназіи греческому языку для вящаго поощренія награждался офицерскимъ чиномъ. Но даже чинолюбіе, вкоренявшееся въ русскомъ людѣ со временъ татарскихъ баскаковъ, не приводило къ желаннымъ результатамъ, и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ наши школы представляли не бывалое въ образованномъ мірѣ, какое-то первобытное, хаотическое броженіе въ произвольной перестановкѣ учебныхъ предметовъ, клонившееся къ окончательному паденію на Руси только что еще начинавшагося классическаго образованія. Въ обществѣ, не выдавшемъ плодовъ этого образованія, и слѣдовательно не успѣвшемъ и оцѣнить его, тѣмъ скорѣе могло совершиться это паденіе, что на

латынь издавна смотрѣли у насъ какъ во времена князя Владиміра Святаго смотрѣли вообще на книжное ученіе, и отдавая своихъ дѣтей въ школу, плакали по нихъ, будто заживо хоронили. Впрочемъ, это застарѣлое отвращеніе отъ серіозныхъ занятій, объясняемое въ лѣтописяхъ языческимъ невѣжествомъ, современная филантропія извиняетъ практическімъ направленіемъ, для котораго классицизмъ и всякое теоретическое ученіе будетъ только ржавымъ тормазомъ.

Также безплодны были для литературы и для жизни и другія направленія, вывозимыя къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ модами. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія была мода на философію, шедшая объ руку съ такъ-называемымъ романтизмомъ. Казалось бы, что въ странѣ мало населенной, бедной очертаніями природы и воспоминаніями старины, въ странѣ, въ которой никогда не процвѣтали ни живопись, ни скульптура, ни народная драма, въ странѣ, цинически относившейся къ красотамъ внѣшней

формы, должна бы преобладать склонность къ созерцательному препровожденію времени въ туманной области философскихъ отвлеченій, особенно преобладать въ умахъ смѣлыхъ реформаторовъ, которые, игнорируя русскую жизнь и народныя потребности, могла бы теоретически строить воздушныя утопіи и писать свои реформы на чистомъ листѣ народной жизни, будто бы, кромѣ не нужнаго хлама, ничего не вынесшей изъ своей исторіи. И точно, были на Руси послѣдователи Канта и Фихте, особенно славились гегелисты; но въ университетахъ философія не прививалась, и, будто какой призракъ, то являлась на кафедрѣ, то исчезала, и наконецъ таинственно скрылась въ мерцаніи схоластики: такъ что, когда въ настоящее время вновь узаконили философію въ составѣ университетскаго образованія, университеты оказались вполнѣ несостоятельны въ философскихъ преданіяхъ, и пришли въ небывалое затрудненіе, откуда взять русскихъ философовъ на открывшіяся кафедры.

То же самое должно сказать и о народности. Идея о ней послѣдовательно, исторически развилась и образовалась на Западѣ, особенно въ Германіи, на основѣ такъ-называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину.

Направленіе это пришлось по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмецкимъ. Въ тридцатыхъ годахъ, особенно между Чехами, было возбуждено восторженное стремленіе къ изученію славянской народности. Во главѣ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей явился Шафарикъ, который далъ Славянамъ славянскую этнографію съ картою, побуждаемый политическою цѣлью показать всѣмъ родственнымъ племенамъ ихъ единство и сосѣдственное размѣщеніе, кое-гдѣ прерываемое черезполосными владѣніями Нѣмцевъ и другихъ чужаковъ. Сверхъ того, Шафарикъ далъ Славянамъ *Славянскія Древности*, въ которыхъ

доказываетъ глубокую давность этихъ племенъ въ Европѣ и равныя съ Нѣмцами права ихъ на историческія судьбы Европы. Ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи о возможной независимости Славянъ отъ чуждаго преобладанія. Многіе славянисты единственно только въ этихъ идеяхъ и почерпали себѣ вдохновеніе и силу для ученыхъ трудовъ. Теперь уже сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ, и славянскій энтузіазмъ въ разработываніи народности и старины не проявляется уже въ такой юношеской свѣжести и бодрости.

Западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую чешскую программу къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распаденія и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ

мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Иоанна Грознаго.

Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ сословныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, направленіе, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны. Филантропическія, коммунистическія и всякія другія утопіи наконецъ потеряли для основательно-мыслящихъ умовъ всякое реальное значеніе, въ виду высокихъ, истинно человѣколюбивыхъ цѣлей, направленныхъ къ умственному и матеріальному благоденствію народныхъ массъ. Для однихъ дѣятелей, это необъятное поприще теоретическихъ изслѣдованій по народности, въ самомъ обширномъ ея значеніи, начиная отъ миѳологіи и религіи до мельчайшихъ условій быта семейнаго и домашняго; для

другихъ — такое же широкое поприще практическихъ начинаній на пользу всѣмъ и каждому. Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда эти стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ они идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріальномъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собираніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ, не есть явленіе изолированное отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты, и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ мифическихъ

жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ.

Вращаясь въ водоворотъ современныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ народностью, развлекая свое вниманіе иногда обыденною мелочью, и такимъ образомъ теряя нить ведущую къ главной и единственной цѣли, едва ли кто можетъ указать, какіе результаты приносить и какіе можетъ современемъ принести у насъ на Руси это народное направленіе. Теперь можно, кажется, сказать только то, что, ПРИВЫКШИ хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усвоиваемъ себѣ и это народное направленіе также опрометчиво и поверхностно, какъ усвоивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между

нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутора ста лѣтъ, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ піэтетомъ къ народности, теоретически перенятымъ у другихъ, и размѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобъ изъ вопроса о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей. Просвѣщеніе есть великое благо для народа. Кто первый и кто лучше, или по крайней мѣрѣ скорѣе, обучить

простонародье грамотности, тому будетъ оно обязано благодарностью, и съ тѣмъ войдетъ оно въ болѣе искреннія, симпатическія отношенія. Эту практику знаютъ отлично русскіе раскольники и сектанты, и до сихъ поръ успѣшнѣе православнаго духовенства ею пользовались. Теперь и духовенство взялось за умъ, и, желая усвоить себѣ ту же ревность пропаганды, думаетъ попробовать свои силы на невоздѣланной почвѣ простонароднаго невѣжества. Добыча готова, но кому она достанется въ жертву — вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріальнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастье, производя педагогическіе опыты надъ

своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше, будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжеества?

Впрочемъ, не отказывая инымъ просвѣтителямъ полу-языческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ къ ней снизойти, и чѣмъ-нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность — хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно. Но если просвѣтителямъ такъ противна русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ и доселѣ свято хранить въ себѣ весь этотъ не нужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю

свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школой допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильнаго воспитанія?

Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: ЭТО не болѣе какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную. Надобно избавить русскаго мужика отъ его убѣжденій, обычаевъ и привычекъ, надобно спасти его отъ темныхъ наважденій старины, и помощію грамотности отрѣшить его отъ всѣхъ основъ его національности, чтобы сдѣлать изъ него человека вообще, свѣжаго и чистаго отъ предразсудковъ, космополита, и потомъ дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религіозную.

Самая главная и существенная причина, почему на Руси плохо прививаются и едвали скоро привьются, какъ слѣдуетъ, идеи о народности, состоятъ въ самой жизни русской, въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ нашего отечества. Понятно и совершенно законно у цивилизованныхъ народовъ западной Европы разумное стремленіе къ уясненію себѣ всѣхъ сокровищъ своей жизни, потому что ихъ отдѣльныя народности вели Европу по ступенямъ умственного и литературнаго развитія. Народность Француза или Англичанина обязательна не для Франціи или Англїи только, но и для всякаго образованнаго челоуѣка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напротивъ того, народы далеко отставшіе отъ другихъ въ цивилизаціи, но усердно за нею стремящіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго что сдѣлано уже цивилизованными націями. Безсмысленно предполагать, чтобы Татаринъ или

Мордвинъ до того возгордились удобствами своей жалкой народности, что отказались бы отъ очевидныхъ выгодъ какого-нибудь заморскаго изобрѣтенія, приносящаго имъ очевидный барышъ. Конечно, легко какому-нибудь чителю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величїи нравственныхъ силъ русскаго мужика; понятно также, почему и кабинетный ученый, изслѣдователь русской литературы и исторїи, можетъ усердно хлопотать о рѣшенїи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ. И русскій промышленникъ, хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочетъ улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ; и русскій купецъ, иногда мало отходящій своимъ образованіемъ отъ мужикаа, мечтаетъ устроить свою торговлю на европейскій ладъ, если найдетъ въ томъ свои барыши; и русскій семинаристъ, готовя себя къ клерикальной карьерѣ, тихонько

отъ наставниковъ спѣшить освѣжить свою забитую голову какою—нибудь новенькою книжицею съ западными соблазнами; и Русскій политикъ въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ лелѣетъ смѣлые планы для преобразованія своего отечества на манеръ Англии или Франціи; даже безусловный поклонникъ русской народности хвалится тѣмъ, что онъ любитъ свое родное такъ же искренно и сознательно, какъ Англичанинъ или Нѣмецъ.

Правда, что просвѣщенное вниманіе европейскихъ странъ къ своей народности отразилось и у насъ въ послѣднее время усерднымъ собираніемъ и изданіемъ пѣсень, поговорокъ, сказокъ и другихъ памятниковъ русской жизни. Наша ученая литература осталась и здѣсь вѣрна своему призванію — слѣдовать за интересами возникающими въ образованной Европѣ. Но, говоря откровенно, возможно ли предполагать неподдѣльный, искренній восторгъ въ нашей такъ—называемой образованной публикѣ, при чтеніи какой

нибудь изъ народныхъ пѣсень въ превосходномъ сборникѣ г. Рыбникова, означенномъ въ заглавіи этой статьи? Сталь ли этотъ сборникъ настольною, любимую книгой всякаго образованнаго челоѣка, или вошелъ въ скромную библиотечку ученаго спеціалиста и литератора по профессіи? Въ „замѣткѣ”, присовокупленной неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ этого сборника, между прочимъ сказано: „Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, не поддѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ *Древнихъ Русскихъ Стихотвореній*: надѣмся и теперь на то же.” Напрасныя надежды! И сборникъ Калайдовича не произвелъ на Руси эпохи, а только внесъ новое и богатое содержаніе въ исторію народной словесности, образцы которой критикою сороковыхъ годовъ были признаны за безобразныя и безсмысленныя порожденія русскаго доморощеннаго

невѣжества. Сборникъ г. Рыбникова, дѣйствительно, составляетъ эпоху, — только не для общаго сознанія и интереса образованной публики, а для тѣхъ немногихъ специалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію русской народности; потому что русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности. А между тѣмъ многія изъ пѣсень, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоко-наивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества; и внимательному, провѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и особенно въ такую эпоху, когда коренное преобразование быта

народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя ОСНОВЫ для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи! Но для того чтобы свободно и разумно предаться наивнымъ интересамъ народнаго быта, и безъ пристрастія, но съ должнымъ уваженіемъ, внести ихъ въ кругъ своихъ просвѣщенныхъ интересовъ, публика должна быть столько тверда и увѣрена въ своемъ образованіи, чтобъ не бояться компрометировать свою барскую чопорность мужицкими словами и понятіями, какъ этого не боится публика финляндская, искренно благоговѣющая передъ національными пѣснями своей *Калевалы* или публика нѣмецкая, покровительствующая распространенію въ школьномъ обученіи народнаго эпоса и далѣе миѳической старины нѣмецкихъ племенъ, не имѣя никакихъ поводовъ заподозривать въ отсталости тѣхъ специалистовъ, которые заявляютъ права нѣмецкой старины въ современной образованности⁴.

⁴ Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, Маннгардтъ, извѣстный спеціальными изслѣдованіями по нѣмецкой миѳологіи, въ своемъ популярномъ сочиненіи, изданномъ въ 1860 г., подъ названіемъ *Die Götterwelt der deutsch. u. nordisch. Völker*, указывая слѣды миѳологіи въ суевѣріяхъ,

Но на Руси такого безпристрастного и спокойнаго отклоненія къ своей старинѣ и народности нельзя ожидать не только отъ образованной толпы, даже отъ литераторовъ и ученыхъ. Періодъ антинаціональнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политикою, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ матеріальнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за море, откуда и доселѣ не перестаетъ

доселѣ господствующихъ въ быту нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ, вводитъ ее въ кругъ народнаго образованія, какъ существенный элементъ въ развитіи самопознанія и патріотизма.

русскій людъ чаятъ себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человѣкъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности какъ пришлый Варягъ къ Кривичамъ и Чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предрасудковъ и суевѣрій, которыя должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлю, когда простой народъ, хранитель этихъ предрасудковъ и суевѣрій, вовсе не знаетъ и существованія тѣхъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ помѣщаются обличенія его невѣжества или ученые о немъ трактаты? Не значитъ ли донкихотствовать — сражаться съ суевѣріями и предрасудками простаго народа передъ публикою, которая давным-давно уже имъ не вѣритъ? И не

смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогою, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защитить? И неужели не можетъ идти рука объ руку просвѣщеніе народа съ грамотностію и полезными свѣдѣніями, — и спокойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе его старины, которая, конечно не чужда суевѣрій, какъ и старина и народность всѣхъ западныхъ странъ? Неужели вся исторія русской литературы, чуть ли не до нашихъ временъ, должна состоять только въ обличеніи невѣжества, суевѣрій и предрасудковъ? И зачѣмъ такъ рьяно бросаться съ обличеніями на то, что уже и само собою, будучи показано съ настоящей точки зрѣнія, краснорѣчиво говоритъ за себя? Исходъ, какой получаетъ на Руси народное направленіе, кажется, объясняется *обличительнымъ* характеромъ современной журналистики и легкой литературы. Обличать въ тысячу разъ легче нежели изучать. Какъ мы кончили съ византійскимъ направленіемъ нашей

старины? Вмѣсто того чтобъ изслѣдовать всѣ нити, связывающія нашу древнюю литературу съ византійскимъ востокомъ и латинскимъ западомъ, мы рѣшили дѣло свысока, какъ во время оно татарскіе баскаки рѣшали тяжбы между русскими властями, и какъ потомъ рѣшали судь и расправу московскіе воеводы. Сказано, что вся византійщина — гниль и тлѣнь, и это рѣшеніе сдано въ архивъ россійскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбукѣ. Хотите ли вы серіозно изучать памятники русской архитектуры или иконописи, — тотчасъ возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ поползновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ какой нибудь куріозный типъ съ собачьею или лошадиною головой. Отнесетесь ли вы серіозно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣрьямъ и преданіямъ, — васъ ужь подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѳическскіе догматы, что земля основана

на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника.

Ясно, слѣдовательно, что обличители въ самой образованной публикѣ, даже въ литераторахъ и ученыхъ изслѣдователяхъ, предполагаютъ наклонность ко всѣмъ суевѣріямъ и предразсудкамъ, которыми богата всякая старина и народность. Отсюда само собою вытекаетъ, что заниматься изученіемъ старины и народности, не ограждая себя ежеминутно отъ суевѣрныхъ соблазновъ, вредно и бессмысленно, и что слѣдовательно опасно распространять въ публикѣ любовь къ родной національности, какъ къ предмету одуряющему. Нетерпѣливая рьяность обличителей даетъ разумѣть, что они еще не свыклись съ гуманными тенденціями, которыя они на себя взяли, и что еще живо чувствуютъ въ самихъ себѣ византійскую и татарскую основу, которая невольно проглядываетъ то въ деспотическихъ замашкахъ балаганнаго шутовства, то въ кочевомъ наѣздничествѣ противъ серьезныхъ занятій наукою, то въ ложномъ

стыдѣ недоучившагося фата, чтобъ его не заподозрѣли въ доморощенныхъ грѣшкахъ русскаго суевѣрія.

Вотъ какъ скоро на Руси отживаетъ всякое направленіе, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сознаніи! Въ Германіи, во Франціи, только что еще принялись за неистощимо-богатую и плодотворную разработку національной старины, только что еще начинаютъ въ современной образованности вкреняться результаты ученыхъ изслѣдованій братьевъ Гриммовъ, Коммона, Шназе и сотни другихъ ученыхъ по народности и средне-вѣковой археологіи. А мы уже порѣшили всѣ вопросы по этимъ предметамъ, съ милою наивностью Простаковой, которая для своего Митрофанушки не видитъ никакого прока въ географіи, потому что эта наука не барская. И точно барское ли дѣло интересоваться мужицкими пѣснями, лубочною иконописью, всѣми этими раскольничьими сборниками, цвѣтниками и другою ветошью? И какая во всемъ этомъ польза для насущной практики, съ

жизненной точки зрѣнія, въ которой новѣйшіе обличители вполне сходятся съ положительными убѣжденіями смѣтливой родительницы Недоросля?

Впрочемъ, какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность. Уже самое собраніе и изданіе памятниковъ по русской народности краснорѣчивѣ всякой полемики ниспровергаетъ чиновничью спѣсь обличителей, покрывающихъ пустоту своихъ тенденцій филантропическими хлопотами о просвѣщеніи простонародья полезною практикой.

Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что лучшими сборниками народныхъ пѣсенъ и стиховъ литература обязана такъ-называемымъ славянофиламъ.

Можно не соглашаться съ этою партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но

относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость.

Полагая, что обнародованіе такихъ сборниковъ, какъ изданія Рыбникова и Кирѣевскаго, не должно пройти безслѣдно въ русской литературѣ, мы рѣшились по этимъ сборникамъ предложить краткое *обозрѣніе русскаго мѣологическаго и богатырскаго эпоса*, конечно не въ тѣхъ мысляхъ, чтобы внести новые элементы въ сознаніе современной публики, но чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ осмотрѣть факты, которые современемъ должны занять первыя страницы исторіи русской литературы.

I.

Уже давно изслѣдователями русской народности чувствовался древнѣйшій титаническій періодъ въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ богатырскихъ типовъ. Собранныя и обнародованныя г. Рыбниковымъ русскія былины о Святогорѣ, Сухманѣ и другихъ старшихъ богатыряхъ, предшествовавшихъ циклу Владиміра Красна-Солнышка, дали этому предположенію фактическую достовѣрность. Знаменитый славянофилъ, покойный К. С. Аксаковъ, просмотрѣвъ еще въ рукописи г. Рыбникова былинку о Святогорѣ, первый изъ нашихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе богатырей старшихъ, или титаническихъ, отъ младшихъ, челоукоподобныхъ, къ которымъ относятся Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе витязи, окружающіе князя Владиміра. Разказавъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ исполинскимъ силачомъ лежащимъ на горѣ, Аксаковъ

присовокупляетъ: „Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ — весьма замѣчательнъ. Очевидно, что онъ *внѣ ряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья–Муромецъ. Это *богатырь–стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри–стихиіи... Не ихъ ли должно разумѣть подъ *старшими богатырями*, которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку.“⁵ Вотъ это мѣсто:

Старши богатыри дивуются:
Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
У него поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская.“

⁵ См. Замѣтку Аксакова въ 1–мъ выпускѣ сборника Кирѣевского.

(Кирѣевск. I, 78–81.)⁶

Ясно, что нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхестественныя личности богатырями *старшими*; ясно также, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимірова отличаются громадною величиной и непомѣрною силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ ранней миѳологической эпохи? Сами ли это боги! Тогда выраженіе русскихъ былинь „старые богатыри“ — не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ

⁶ Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства читателей, въ цитатахъ изъ пѣсенъ областной выговоръ измѣняю на общепринятый.

стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ вражескими народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежатъ ли и многія другія лица, въ которыхъ характеръ миѳическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ, и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ въ своихъ богатырскихъ типахъ представляютъ намъ много такого что больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической нежели къ позднѣйшей, богатырской; потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ на примѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, что будетъ показано ниже, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты

и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней миѳологической эпохѣ. Забывая свою миѳологию, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе миѳическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ представителей враждебныхъ народовъ, то для объясненія

этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ-называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ смѣшаннымъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: *Сухманъ*, *Святогоръ*, *Волхъ*, или *Вольга*, *Тугаринъ*, *Зміевичъ*, *Дунай*, *Донъ*, при женскомъ существѣ *Нѣпра* или *Днѣпра*; другія

составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ наримѣрь *Самсонъ* богатырь, можетъ—быть и *Полканъ*, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ наримѣрь, *Идолище Поганое*, *Старчище Пилигримище*; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ *Волотъ Волотовичъ*; иные подъ своею новѣйшею формаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ, какъ *Микула Селяниновичъ*; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владиміръ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Прежде нежели разберемъ въ подробности каждое изъ этихъ миѳическихъ существъ, должно упомянуть, что общее имъ названіе: *Старшіе богатыри*, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то—есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла

Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна–Солнышка, но что они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами.

Этотъ переходъ отъ божества стихійнаго къ чудовищу въ титаническомъ типѣ

старшаго богатыря съ наибольшею ясностию выражается въ сербскомъ миѣ о *дивахъ* и ихъ *дивскомъ старѣйшинѣ*, или начальникѣ⁷. Ихъ числомъ семьдесятъ, живутъ они на *Дивской* планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. Нѣкто Юванъ, богатырь младшей породы, перебилъ всѣхъ семьдесятъ *дивовъ*, но *дивскій* старѣйшина, оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ матери Ювана, и чуть было не погубилъ ея; но Юванъ восторжествовалъ и надъ нимъ. Какъ существо сверхестественное, *дивъ* извѣстенъ и въ древне-русскомъ эпосѣ. Слово о Полку Игоревѣ знаетъ какого-то *дива*, который сидитъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику, и велитъ послушать земли незнаемой, и который потомъ вергнулся на землю, когда наступила русскимъ воинамъ бѣда. Въ сербскомъ миѣ о великанахъ *дивахъ*, сохранилась память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что это

⁷ Вука Караджича, Сербск. пѣсни, кн. 2, № 8.

слово непосредственно происходитъ отъ *див*, что по-санскритски значить *свѣтитъ*, откуда названія бога свѣта и неба — у Грековъ *Zeus* (род. пад. *Διός*), у Римлянъ *Deus*, у Германцевъ *Tivas*, у Литовцевъ *Devas*, и наконецъ въ Санскритѣ *Дьва* (божество небесное)⁸ представленіе о *дивахъ* соотвѣтствовало у Славянъ быту кочевому и пастушескому. Когда они осѣлись на постоянныхъ жилищахъ, тогда свой домашній бытъ стали противопоставлять кочевью по лѣсамъ и степямъ, и все противоположное своему родному жилищу, называли *дивымъ*, то-есть не покрытымъ домашнею кровлею, находящимся подъ открытымъ небомъ (*sub divo* или *sub jove*), наконецъ полевымъ и лѣснымъ вообще. Отсюда у Чеховъ прилагат. *дивок*, въ смыслѣ не только дикаго, но и внѣшняго: *дивока страна*, въ противоположность внутренней, домашней⁹.

⁸ Корень *див* переходитъ въ существит. *дѣа* по закону поднятія звука *i* въ долгое *e* или въ *ъ*. Отъ этого же корня происходятъ лат. *divus, dives, dies*, наше *день* и т. д.

Изъ формы *дивокій* сокращенно образовалось *дикій*.

Диво, дивовище, въ смыслѣ чудовища, указываетъ на переходъ титаническаго существа къ страшилищу, будетъ ли то въ звѣриномъ видѣ, или въ челоукообразномъ. Дивъ *Слова о полку Игоревѣ* стоитъ на срединѣ между этими значеніями. Даже сербскіе *дивы* въ упомянутомъ миѣ, потерявъ свое первобытное значеніе, могли быть понимаемы уже въ смыслѣ тѣхъ дикихъ великановъ, кочевниковъ, съ которыми дерутся наши богатыри младшей эпохи¹⁰.

Если въ замѣткѣ, приложенной къ сборнику г. Рыбникова, сказанное о богатырѣ *Сухань*, или *Сухмань* можетъ быть оправдано въ грамматическомъ отношеніи, то эта личность первоначально имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца, или свѣта, огня (санскр. *сушман*. или *шушман* — огонь)¹¹. Но, какъ увидимъ

¹⁰ Слич. у Маннгардта: „Bei den Slaven lebt das alte *dSva* (Gott) in der Benennung *div* für Riese fort.“ *Die Götterwelt*. Стр. 57.

¹¹ Слова замѣтки въ Сборникѣ г. Рыбникова: „*Сухань* или *Сухмань* (санскр. *суш* или *шуш*, сохнуть, наше *суш-ить*, откуда причастная форма *суш-мань*, сохнуцій, изсушаемый и изсушающій, перешедшая въ названіе

ниже, былина объ этомъ богатырѣ, записанная въ сборникѣ, г. Рыбникова, противорѣчитъ этому значенію.

Гораздо правдоподобнѣе видѣть слѣды преданія о первобытныхъ миѳическихъ существахъ свѣта, или о *дивахъ* въ свидѣтельствѣ Слова о полку Игоревѣ, которое русскихъ витязей вообще называетъ *внуками Дажь-богъ*, то-есть, *бога солнца и огня*. А въ нашихъ лѣтописяхъ *Дажь-богъ* признается сыномъ *Сварога*, бога неба, то-есть, *Сварожичемъ*. По другимъ древне-русскимъ свидѣтельствамъ, подъ именемъ Сварожича наши предки чествовали огонь¹². Итакъ отъ божества свѣта и огня русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ древнихъ витязей: они внуки святоносныхъ предковъ, память о которыхъ сохранилась въ миѳическихъ титанахъ — дивахъ. Другими словами: Старшіе богатыри — дивы, младшіе — ихъ потомки, внуки Дажь-бога или Сварожича.

солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явныя слѣды происхожденія миѳическаго, до-историческаго.“ Стр. IX.

¹² См. въ моей хрестоматіи столб. 520, 586, 605 и 606. — *Дажь* въ словѣ Дажь-богъ, отъ корня *даг*, что по-санскр. значитъ горѣть; лит. *degu* — горю.

Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси жило еще во всей свѣжести въ эпоху *Слова о Полку Игоревѣ*, то-есть въ XII вѣкѣ. Какъ витязи назывались внуками солнца и огня такъ вѣтры — внуками бога вѣтра, *Стрибога*.¹³ Ярославна, горюя объ отсутствующемъ мужѣ, въ своемъ причитаньѣ обращается, какъ къ существамъ одушевленнымъ, не только къ вѣтру и солнцу, но и къ водѣ, въ ближайшемъ, болѣе наглядномъ представленіи ея, въ образѣ *Днѣпра Словутича*, какъ бы сына какого-то *Словуты*.

Если въ изданныхъ доселѣ былинахъ мало оставили по себѣ слѣдовъ стихійныя существа огня и свѣта, за то миѳическія преданія о водѣ, и особенно о рѣкахъ, сохранились въ замѣчательной свѣжести. Русскій эпосъ еще помнитъ морскаго царя или бога водъ; онъ называется царь *Водяникъ*, а супруга его царица *Водяница*. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или же бросая живаго

¹³ Отъ глагола *стрити*, откуда *стрѣла*, *стрѣль*, *по стрѣль*, *стрѣха*. Слич. *застрѣть*, *застрянуть*.

человѣка. Царь морской является въ очію и покровительствуетъ тѣмъ, кто его чествуетъ. Когда онъ распляшется, взволнуется море и рѣки.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи новгородская былина о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ.¹⁴ Прежде онъ былъ бѣденъ и кромѣ гуслей ничего не имѣлъ, а промышлялъ своею гудьбою на пирахъ, куда его нанимали. Разбогатѣлъ же онъ слѣдующимъ образомъ. Случилось, что нѣсколько дней сряду никуда его не приглашали на пиръ играть въ гусли. Соскучился Садко и пошелъ къ Ильмень-озеру:

Садился на бѣль горючъ
камень
И началъ играть въ гуселки
яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода
всколыбалася,
Показался царь морской,

¹⁴ Рыбн. стр. 370 и слѣд.

Вышелъ со Ильменя со
озера —

И попривѣтствовавъ Садку за утѣхи, которыя онъ ему доставилъ гудьбою на гусяхъ, въ благодарность далъ ему изъ Ильмень-озера кладъ, три рыбы золотыя-перья, на которыя можно скупить всѣ несмѣтныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ, и вытащилъ это безцѣнное сокровище. Въ нашемъ эпосѣ соотвѣтствуетъ оно кладу *Нибелунговъ*, который прежде хранился въ водопадѣ у карлика Андвари, жившаго въ водѣ въ образѣ щуки; соотвѣтствуетъ также и финскому *Сампо*, сокровищу быта охотниковъ, моряковъ и земледѣльцевъ. Итакъ эти три рыбы золотыя-перья, въ Ильмень-озерѣ не что иное, какъ *Horl* или *Сампо* торговаго и промышленнаго Новагорода. До какой степени проникнуть мѣстнымъ колоритомъ этотъ мотивъ въ былинѣ о Садкѣ, можно судить изъ того, что онъ не разъ встрѣчается, съ разными вариантами, въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ въ сказаніи объ

Антоніи Римлянинъ повѣствуется, какъ рыбаки вытащили сѣтьми изъ Волхова бочку съ драгоцѣнною церковною утварью, которую этотъ нѣмецкій выходецъ опустилъ въ море еще въ бытность свою въ Италиі, и которая сама собою, какъ чудесный кладъ, приплыла въ Новгородъ по Волхову.

Разбогатѣвши, Садко забылъ о благодѣяніи морскаго царя и пересталъ приносить ему жертву. За это надобно было его наказать. Потому однажды Садковъ корабль сталъ на морѣ и не трогался съ мѣста. Чтобъ ему двинуться и пойдти, надобно было бросить въ воду, въ жертву морскому царю, живаго человѣка. Жребій выпалъ Садкѣ. Какъ знаменитому гудцу, ему даютъ гусли и спускаютъ на воду на доскѣ, на которой онъ и поплылъ по морю. Этотъ мотивъ о чудесномъ плаваньѣ на доскѣ, на плоту или даже на камнѣ — тоже одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ тотъ же Антоній Римлянинъ будтобы на камнѣ приплылъ изъ Италиі подъ самый Новгородъ. Еще: когда Новгородцы, подозрѣвая

архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудодѣйственно пошелъ вверхъ противъ теченія, и самъ собою остановился близъ Юрьева монастыря.

Такъ и Садко, съ гуслими въ рукахъ, поплылъ по волнамъ на дубовой доскѣ, и очутился въ палатахъ самого морскаго царя Водяника и супруги его Водяницы. Въ то время царь съ царицею спорили о томъ, *что на Руси дѣется.*

Булатъ ли дороже красна
золота,
Али красно золото дороже
булатъ–жельза?

То–есть, вопросъ состоялъ въ томъ, произошелъ ли историческій переворотъ въ переходѣ древняго суроваго періода старшихъ богатырей въ періодъ богатырей младшихъ. Какое–нибудь титаническое существо изъ породы дикихъ великановъ, вѣроятно, предпочло бы бесполезному золоту жельзо. Но Садко, герой новаго

порядка вещей, уже знаетъ цѣнность золота; потому что золотой кладъ уже добытъ между людьми, а съ нимъ вмѣстѣ роскошь и преступленіе. И такъ Садко даетъ предпочтеніе золоту передъ желѣзомъ;

Дороже у насъ на Руси
красно золото,
А булатъ—желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по
зыбочкамъ.

Садко съ своими гусями какъ разъ попалъ кстати къ царю Водянику. У него шель пиръ на радостяхъ. Онъ выдавалъ замужъ дочь свою любимую.

Во тыё во славно Окіань—
море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки съ море! Это царь Водяникъ выдаетъ замужъ куда—то за море, на чужую сторону, свою родную дочь.

Садко сталъ играть на гусяхъ. На пиру пошла пляска, и когда расплясался царь

Водяникъ, синее море всколебалось, рѣки изъ береговъ выступили: топятъ корабли, губятъ православный людъ. Послѣ того, когда Садко охмѣлѣлъ и заснулъ, является ему во снѣ Никола Можайскій и велитъ изломать гусли звончатыя, чтобы не плясаль морской царь и чтобы не гибли души народа православнаго. Сверхъ того, Никола даетъ Садкѣ совѣтъ, чтобъ онъ взялъ себѣ въ жены что ни худшую изъ тридцати дочерей морскаго царя, когда тотъ будетъ предлагать ему на выборъ одну изъ нихъ, и чтобы женившись ней былъ остороженъ, чтобъ и не дотрогивался до нея. Такъ Садко и сдѣлалъ, и женился на той изъ тридцати дочерей Водяника, которая была хуже всѣхъ. Легъ съ нею спать, а на утро ото сна пробуждался.

Онъ очутился подъ Новымъ
Городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.

Такимъ образомъ Садко, богатый гость, и женился на дочери Водяника, на Волховѣ рѣкѣ. Очень умѣстное для торговаго

Новогорода миѳическое преданіе, соотвѣтствующее позднѣйшему обряду, по которому венеціанскіе дожи обручались съ Адриатикою, бросая въ ея воды обручальное кольцо!

Прежде нежели сказать о Волховѣ, надобно обратиться къ другимъ рѣкамъ, и предварительно коснуться значенія рѣкъ вообще въ древнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ Славянъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непременно приурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова,

Смородины, не потому только что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя

стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Дреговичи между Припетью и Двиной; на Двинѣ, по рѣчкѣ Полотѣ, Полочане; Радимичи на Сожѣ; Вятичи по Окѣ; Дулебы по Бугу; Тиверцы по Днѣстру; Новгородскіе Славяне на озерѣ Ильменѣ, то-есть, по Волхову; наконецъ Поляне по Днѣпру. Согласно рѣчному и береговому быту Славянъ, званіе перевозчика было почетнымъ. Этимъ объясняется преданіе о томъ, что Кій былъ перевозчикомъ на Днѣпрѣ, и можетъ-быть основаніе и названіе города Кіева произошло отъ перевознаго пункта. По крайней мѣрѣ еще во времена Нестора было въ памяти древнее обычное выраженіе: *на перевозъ на Кіевъ*. Другое преданіе, тоже приводимое Несторомъ, о томъ что Кій былъ князь, замѣчательно по сближенію днѣпровскаго Кіева съ дунайскимъ городищемъ Кіевцемъ, основаннымъ будто тѣмъ же Кіемъ.

Древнѣйшее лѣтописное преданіе о значительности званія перевозчика доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ.

Доселѣ живеть въ Псковской области преданіе, что вѣщя княгиня Ольга, изъ крестьянскаго званія, была перевощицею на рѣкѣ Великой¹⁵. Соловей–разбойникъ и вся семья его, какъ будетъ показано, отличались миѳическимъ характеромъ ранней эпохи; и замѣчательно, что старшая дочь этого чудовища была перевощицею на Дунаѣ–рѣкѣ.¹⁶

Разселяясь и сядясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ–быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава, Драва, Одра*, или *Одеръ, Ра, Уна, Донъ, Дунай*, древнѣйшаго индо–европейскаго происхожденія, имѣють себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо–европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ.

¹⁵ Якуткина *Путевыя письма изъ Новг. и Псковск. губерн.* стр. 155.

¹⁶ Сборн. Кирѣевск. I, 81.

Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины въ Европу, вынесли съ собою общее индо–европейское имя рѣки вообще *дуни*¹⁷, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ*, получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *за рѣками... за Дунаями*¹⁸.

Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой

¹⁷ Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай*; краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

¹⁸ Значеніе и образованіе прочихъ, выше упомянутыхъ рѣкъ смотр. Pietet, *Les origines Indo Europeennes*. 1859 г. ч. I стр. 135 и слѣд. Названіе *ра* я произвожу отъ корня *р* или *ар*, откуда Санскр. *Арна* – рѣка, вода, нѣм. *rinnan* и т. д.

собственный, индивидуальный характеръ въ памяти и воображеніи славянскихъ племень, болѣе и болѣе оказывалось потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленныя и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ человѣческой личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ расселеніемъ славянскихъ племень, выразилось мифами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ человѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себѣ предмета для чествоваія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героевъ народнаго эпоса. Сверхъ того, мифъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или

Водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттънокъ миѳическаго характера.

Итакъ, по русскому эпосу¹⁹, рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги *Нѣпры Королевичны*, то-есть, *Днѣпры* (вмѣсто муж. р. *Днѣпръ*), которая отличилась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная Валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашель въ ея утробѣ чудеснаго сына, по своей необычности достойнаго своихъ полумиѳическихъ родителей. У него:

По колѣнъ-то ноженьки къ
серебрѣ,

¹⁹ Рыбник. стр. 194-7

По локоть—то рученьки въ
золотѣ,
А по косицамъ будто
звѣздушки,
А назади будто свѣтель
мѣсяць,
А спереди будто солнышко.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Туть—то отъ нихъ протекала
Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови
христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ
напрасныя.

Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ протекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

То же разказывается и о *Дунатѣ*, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасѣ Королевичнѣ, на

сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя
Владимира.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай
рѣка:
А гдѣ пала Настасьяна
головушка,
Протекала рѣчка Настасья
рѣка.

Иначе поется:

Исподѣ эвтого сподѣ
мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки
быстрыихъ,
И на двѣ струечки они
расходилися,
И еще онѣ вмѣстѣ
сходилися²⁰.

Каково бы ни было первоначальное
значеніе *Сухмана* богатыря, но былина, въ
сборникѣ г. Рыбникова, даетъ ему смыслъ
совершенно противоположный тому, какой
можно бы ему дать на основаніи

²⁰ Рыбник. стр. 186–194.

словопроизводства. Такъ же какъ Донъ и Дунай, этотъ богатырь даетъ начало рѣкѣ. Отъ крови изъ его ранъ протекла *Сухман-рѣка*, какъ онъ самъ умирая причиталъ:

Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моя отъ крови отъ
горючія,
Отъ горючія крови отъ
напрасныя²¹.

Происхожденіе рѣкѣ отъ крови убитыхъ героевъ, или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемирный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося, подобно еврейскому Ною или индійскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи Храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной

²¹ Рыбник. стр. 32.

церковной легенды, свидѣтельствуеть намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса. Утверждая христіанскую вѣру, доѣзжалъ Егорій до дальняго царства Вавилонскаго, къ царицу Дектіаницу. Это было какое-то чудовище, въ родѣ змія, потому что

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по
змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія
богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю...
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь...
Одолѣла кровь Георгія
бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по-
колѣнъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы
груди;

Вынимаетъ онъ копье
долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру
землю:
„Разступись, мать сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и
окаянную!"
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Разступилася мать–сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую,
окаянную»²².

Если происхожденіе *Дуная*, *Дона* и *Днѣпра* русскій эпосъ объясняетъ только олицетвореніемъ, на основѣ миѳическаго вѣрованія о потопахъ и разлитіи рѣкъ отъ крови убитыхъ чудовищъ и титановъ, то сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго миѳа, въ которомъ языческое чествованіе какого–то божества, впрочемъ называемаго въ преданіи Перуномъ, низводится до позднѣйшей демонологіи, и воплощается въ богатырской личности *Волха Сеславича* или

²² Варенцова, *Сборникъ Русск. духовн. стиховъ* стр. 108–9.

Всеславича. Какъ существо титанической, древней породы, онъ былъ сыномъ змія²³. Однажды нѣкоторая княжна, Марѳа Всеславьевна, гуляла по саду, и невзначай смочила съ камня на лютаго змѣя.

Обвивается лютый змѣй около
чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ
бьетъ по бѣлу стегну.

Оттого княжна затяжелѣла и дитя родила. Это и былъ самъ Волхъ Всеславьевичъ. Какъ сынъ змія и существо необычайное, уже самымъ рожденьемъ своимъ на свѣтъ Божій, Волхъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ:

Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство
Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую
глубину,

²³ Кириши Данилова *Древн. Рос. Стих.* стр. 45 и слѣд.

Птица полетѣла высоко въ
небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Своею сверхъестественною природой этотъ герой существенно отличался отъ богатырей младшихъ. Онъ былъ оборотень, существо вѣщее. Въ этомъ состояла его премудрость.

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ:
Ко другой—то мудрости учился
онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей—то мудрости учился
Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ
золотые рога.

Сверхъ того, Волхъ обертывался горностаемъ, мурашикомъ, рыбою щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ, и въ лѣсу

между звѣрями, и въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами.

Какъ отъ *Кія* образовалось прилагательное *Кіевъ*, такъ отъ *Волха* названіе рѣки *Волховъ*, въ женскомъ родѣ *Волхоеа*, на примѣръ: „За тую за рѣченьку Волхову“ въ *Сборн. Рыбник.* стр. 24; въ *Лѣтописи Новгородской*: „черезъ Волхову рѣку,“ и даже въ среднемъ родѣ: „черезъ Волхово“. Отсюда понятно, почему безъ нарушенія грамматическаго смысла *Волховъ*, въ женскомъ родѣ, то-есть, *рѣка Волхова*, могъ сдѣлаться невѣстою Садки богатаго гостя.

Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было приурочено къ мѣстечку *Перыня* или *Перунъ*, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ²⁴, Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова, рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Какъ Днѣпръ былъ *Словутчъ*, то-есть, сынъ Словуты, такъ и

²⁴ Смотри мои *Историч. Очерк.* II, 8.

другая столь же знаменитая въ древней Руси рѣка Волховъ былъ *Словеничъ*, сынъ Словена. Вѣроятно, оба эти названія, *Словута* или *Словутъ* и *Словенъ*, не что иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же имени мифическаго героя, родоначальника славянскихъ племенъ, поселившихся на Руси.

Согласно приведенной выше былинь о Волхѣ оборотнѣ, и письменное сказаніе въ хронографѣ повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лють въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ, будто бы, тогда почиталъ его за Бога и называлъ его *Гроломъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ

невѣжды, говоря (вѣроятно въ какой-нибудь древней притчѣ): „въ боги сѣль“. И былъ этотъ окаянный чародѣй удушенъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ *Волховнаго* его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многими плачемъ отъ невѣждъ тутъ онъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризница просыпалась земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: „Иже и до нынѣ, яко же повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся.“

Крокодилъ, очевидно, литературная замѣна эпическаго змія, залегающаго рѣки. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у Новгородцевъ, это миѳическое существо называется *звѣрь-зміяка*, *Перюнъ*, то-есть Перунъ²⁵. Будто бы этотъ звѣрь-зміяка жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ

²⁵ Якушкина *Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній*. стр. 118–119.

скитъ *Пирюньской*, то—есть Перынскій, или Перунскій. Каждую ночь звѣрь—змѣяка ходилъ спать въ Ильмень къ *Волховской коровницѣ*. Перешель змѣяка жить въ самый Новгородъ; но когда народъ крестился въ крещеную вѣру, змѣяку Перюна бросили въ Волховъ. Змѣяка поплылъ вверхъ по водѣ, и подплылъ къ старому своему жилью и взошелъ на берегъ. Князь Владиміръ опять велѣлъ его бросить въ рѣку, а на берегу на томъ мѣстѣ срубить церковь. Оттого церковь та назвалась Перюньскою, а потомъ и Скитъ Перюньскій.

Итакъ, очевидно, въ мѣстныхъ новгородскихъ преданіяхъ Перунъ смѣшивается съ стихійнымъ богатыремъ Волховомъ, и оба представляются въ чудовищной формѣ змѣя или звѣря—змѣяки.

Потопленіе низверженныхъ истукановъ языческихъ боговъ въ рѣкахъ поддерживало древнія преданія о миѳическихъ рѣчныхъ божествахъ, и давало новые матеріялы для мѣстныхъ миѳовъ. Какъ древнее чудовище живетъ въ

рѣкѣ и ее залегаетъ, такъ и брошенный истуканъ, въ видѣ живаго существа, плыветъ по волнамъ, выбирая мѣсто гдѣ бы пристать къ берегу. Такимъ образомъ новгородскому преданію вполне соответствуетъ мѣстное кіевское, записанное еще Несторомъ, о томъ какъ низверженный истуканъ Перуна былъ брошенъ въ Днѣпръ, проплылъ пороги, и потомъ былъ выброшенъ на *рѣнь*: „И оттолѣ, говоритъ Несторъ, прослыла *Перуняна рѣнь*, какъ и до сего дня слово.“ Лѣт. I, 50. Итакъ, кіевская Перуняна рѣнь соответствуетъ Перыни новгородскихъ преданій.

Такъ какъ олицетвореніе въ эпическомъ стилѣ служитъ проводникомъ отъ мифа къ внѣшнему, поэтическому украшенію, и такимъ образомъ становится обычною эпическою формой; то во многихъ случаяхъ очень трудно решить, мифическое ли вѣрованіе дало начало иному олицетворенію и обращенію къ рѣкѣ какъ къ существу живому, или же эпическое настроеніе фантазіи, воспитанное чудеснымъ,

независимо отъ древняго вѣрованія, въ своихъ причудливыхъ образахъ безсознательно сходится съ представленіями древнѣйшихъ миѳовъ, основанныхъ на чествованіи воды и рѣкъ. Племенамъ, расселявшимся по рѣкамъ, такъ естественно было обращаться съ вопросомъ или съ мольбою къ рѣкѣ, на берегахъ которой они нашли себѣ надежный пріютъ и родную осѣдлость. Имъ кажется, что родная рѣка своими всплесками и неумолкаемымъ шелестомъ своихъ струй, сочувствуетъ ихъ заботамъ и готова помочь имъ. „Ай, Влтава! Что мутишь ты воду сребропѣнну? Или тебя всколыхала буря, нагнавши тучи на широкомъ небѣ, омывши вершины горъ зеленыхъ, размывши золотопещаную глину?“ Такъ начинается Чехъ свою пѣсню о судѣ княжны Любуши надъ двумя братьями, которые вели тяжбу о наслѣдствѣ. Родная рѣка съ живѣйшимъ участіемъ отвѣчаетъ ему: „Какъ же бы я воды не мутила, когда ссорятся два родные брата о дѣдинѣ отчей, ссорятся круто между собою. Лютый Хрудошъ на рѣкѣ

Отавѣ кривой, златоносной, и Стяглавъ храбрый на рѣкѣ Радбужѣ холодной, оба братья, оба Кленовичи, рода стараго, Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти богатыя волости черезъ три рѣки?“ Слѣдую національнымъ воззрѣніямъ, Влтава опредѣляетъ рѣками и переселеніе чешскихъ родовъ, и ихъ размѣщеніе. Родоначальникъ перешелъ съ своими полками черезъ три рѣки; враждующіе братья поселились по рѣкамъ. Русская княжна Ярославна²⁶, горюя о своемъ мужѣ, съ искреннею мольбой обращается къ Днѣпру Словутичу, чтобъ онъ прилепѣлъ къ ней ея мужа, чтобъ она не слала къ нему своихъ слезъ черезъ море. Когда ея супругъ, князь Игорь, спасается бѣгствомъ изъ плѣна отъ Половцевъ, рѣка Донецъ съ участіемъ говоритъ ему: „Княже Игорю! Не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!“ Игорь отвѣчаетъ рѣкѣ: „О Донецъ! Не мало тебѣ величія, что лелѣялъ ты князя на своихъ волнахъ, постилалъ ты

²⁶ См. *Слово о полку Игоревѣ*.

ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплою мглою подъ сѣнью зеленыхъ деревьевъ; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ!“ Какъ князь Игорь чувствуетъ свою судьбу связанною съ степными рѣками, во время своихъ воинскихъ набѣговъ; такъ и Садко Новгородскій гость съ благодарностію относится къ рѣкамъ, потому что онѣ на своихъ волнахъ лелѣять его торговья суда²⁷. Опуская въ Волгу, въ видѣ жертвы, хлѣбъ съ солью, Садко благодаритъ ее за то, что, разѣзжая по ней, онъ ни разу не видалъ надъ собою никакой „притки“ и скорби. Волга отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ, и посылаетъ съ нимъ поклонъ къ своему брату Ильмень-озеру. Когда Садко исполнилъ ея порученіе, Ильмень является ему въ видѣ удалаго добраго молодца, и спрашиваетъ: „Какъ же ты знаешь мою сестру Волгу рѣку?“ — „А я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчаетъ Садко: съ вершины знаю ее

²⁷ Кирши Данилова *Древн. Росс. Стих.* стр. 266.

и до самаго устья, до Нижняго царства Астраханскаго.“ Какъ Садко чувствуетъ Волгу и Ильмень-озеро, такъ Илья Муромецъ свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги, на прощаньи, опустилъ онъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли²⁸.

Вотъ еще былина о какомъ-то безыменномъ героѣ.

Ѣдетъ добрый молодець на чужую, дальнюю сторону²⁹. Ему путь пересѣкаетъ рѣка Смородина. „А и ты мать, быстра рѣка Смородина! говоритъ молодець: Ты скажи мнѣ, быстрая рѣка, про броды кониные, про мосточки калиновы, про перевозки частые?“ Отвѣчаетъ ему рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной девицей, будто какая миѳическая перевощица, какъ та старшая дочь Соловья Разбойника: „Съ броду конинаго я беру по добру коню, съ перевозу по сѣдлу черкасскому, съ мосточку по удалому

²⁸ См. *Замѣтку* г. Даля въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

²⁹ Кирш. Данилова стр. 296-8.

молодцу, а тебя, безвременнаго молодца, я и такъ пропушу.“ Проѣхаль добрый молодець, самъ сталъ похваляться: „Вотъ, сказали про быстру рѣку Смородину, что ни пѣшему, ни конному не пройти, не проѣхать, а она хуже лужи дождевой!“ Заслышавъ то, рѣка Смородина кричить ему вслѣдъ душой красной дѣвицей: „Безвременный ты молодець! Забылъ ты за быстрой рѣкой свои два ножа булатные: вѣдь на чужой сторонѣ это оборона великая!“ Воротился молодець за рѣку, захватилъ свои ножи, и когда сталъ опять переѣзжать рѣку, не нашель ужь ни броду, ни перевозу, ни мостика. Такъ и поѣхаль глубокими омутами. Ступилъ разъ, по черевь конь утонулъ; ступилъ въ другорядь — по сѣделечко; ступилъ третью ступень — ужь и гривы не видать. Взмолился тогда добрый молодець рѣкѣ Смородинѣ; а она отвѣчала ему душой красной дѣвицей: „Не я тебя топлю, безвременный молодець, топить тебя твоя похвальба пагуба!“ Такъ и утонулъ добрый молодець въ Смородинѣ рѣкѣ, которую та

же пѣсня величаетъ и *Москвою—
Смородиной.*

II.

Каковы бы ни были побудительныя причины къ созданію этихъ образовъ и сценъ, миѳическія ли, основанныя на старой памяти, или уже чисто фантастическія, не подкрѣпляемыя никакимъ вѣрованіемъ, все же это не холодная, отвлеченная аллегорія, не случайная забава празднаго воображенія, а необходимая, типическая форма, въ которой выражаются тѣ же условія быта, какъ и въ миѳахъ о богатыряхъ—рѣкахъ, и о родственной связи ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько—нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ миѳическихъ преданій

о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ равнинамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ было имъ остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только *синимъ*; потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его неприютную, волнующуюся пустыню, и вынесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чувствуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобъ въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще,

называя его Водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу Водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами, и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ, грозятъ своею массою подавить ихъ скромныя жилища, и, возвышаясь надъ туманною поверхностію моря, несокрушимо отражаютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной миѳологіи, не что иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ. Его брови были употреблены на ограду, которою, какъ

горными хребтами, жилища Асовъ и Вановъ, а также и простыхъ смертныхъ, отдѣляются отъ враждебной области суровыхъ великановъ. Чтобы понять какъ различны были условія окружающей природы, въ которыхъ воспитывалась эпическая фантазія русскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ занявшихъ горныя и приморскія страны, достаточно, напримѣръ, припомнить одинъ изъ космогоническихъ эпизодовъ финскаго эпоса *Калевалы*.

Въ началѣ временъ не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ; были только воздухъ да вода. Въ пространнхъ жилищахъ воздуха обитала дѣвица *Ильматарь*³⁰, прекрасная и цѣломудренная. Разъ спустилась она съ воздушныхъ высотъ на море: тогда вдругъ поднялась съ востока буря, море взволновалось, и дѣвица *Яльматарь* понеслась надъ морскою равниной. И зачала она тогда въ своей утробѣ сына отъ вѣтра, и такъ съ дѣтищемъ въ утробѣ носилась она въ безпредѣльномъ

³⁰ Въ переводѣ значитъ: *дочь воздуха*.

пространствѣ 700 лѣтъ: все не могла разрѣшиться отъ бремени. Въ жестокихъ мукахъ, окоченѣвши отъ холода, горько она раскаивалась тогда, что не осталась *дѣвою на воздухѣ* и что спустилась на море, какъ *мать воды*. Въ утробѣ ея сидѣлъ не кто иной, какъ самъ *Вейнемейненъ*, герой и творецъ міра. Надоѣло Вейнемейнену сидѣть въ темной утробѣ своей матери, и онъ самъ себѣ проложилъ путь на свѣтъ. Родился онъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, потомъ начинаетъ творить міръ. „Несется онъ по морю, такъ поетъ руна³¹, гдѣ подниметъ голову — тамъ острова творить, куда рукою махнетъ — тамъ мысы, гдѣ ногою зацѣпитъ морское дно — тамъ рыбамъ ямы роетъ. Гдѣ земля къ землѣ приближается, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ онъ остановится — тамъ утесы и скалы, и мели надъ водою, гдѣ разбиваются корабли и гибнутъ и купцы.“ Тогда изъ земли Турьи прилетѣлъ орелъ, и парить въ воздухѣ, высматриваетъ, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо.

³¹ *Рунами* называются пѣсни и эпизоды Калевалы.

Вейнемейнень, будто великанъ—утесь торчащій изъ моря, поднимаетъ свое колъно въ видѣ „кочки покрытой густою травой“, и орель вьетъ на ней себѣ гнѣздо; потомъ снесъ онъ семь яицъ. Вейнемейнень чувствуетъ, что колъно его согрѣвается, онъ потряхнулъ имъ, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейнень творитъ землю, солнце, луну и звѣзды, а самъ приговариваетъ вѣщія слова: „Будь, исподняя скорлупа, землю, а верхняя небомъ! Свѣтися, бѣлокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, желтокъ, разгоняй ночную темноту луною! А что осталось отъ яицъ, пусть пойдетъ на звѣзды!“

Громадные размѣры далекаго моря съ гигантскими утесами, надъ которыми въ видѣ дочери воздуха носятся тучи, и отъ морскихъ вѣтровъ зараждають въ своей утробѣ творца міровъ—эти необъятныя размѣры эпической фантазіи Финновъ, вызванныя самою природой, — въ эпосѣ славянскомъ, тоже соотвѣтственно условіямъ природы и быта, сокращаются въ умѣренныя формы рѣкъ съ крутыми,

красными берегами. Всемирный змій — Океанъ сѣверной миѳологіи, охватывающій всю землю, въ эпосѣ русскомъ снимается въ мелкія черты змія рѣчнаго или звѣря-зміяки, который вступаетъ въ связь съ какою-то Волховскою коровницей. Морскіе утесы смѣняются красными берегами, и самое слово *Berg*, то-есть гора — грамматически переходитъ въ форму *брегъ* или *берегъ*.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ возрѣній воспитанныхъ миѳологіей и эпосомъ, надобно объяснить почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ живущихъ въ рѣкахъ, то-есть о *русалкахъ*, между тѣмъ какъ *вилы*, свѣтлые гени воздуха, существа горныя, вполнѣ соответствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ, который, оставивъ за вилами воздушныя жилища и воинственность валькирій, смягчилъ однако суровость этихъ приспѣшницъ богини Фрей, придавъ имъ

граціозныя очертанія античнаго стиля. Въ воображеніи Болгарь доселѣ живутъ вмѣстѣ и виды подѣ именемъ *самовиль* и русалки подѣ именемъ *самодивъ*, и, вѣроятно, послѣднее названіе имѣеть много общаго съ упомянутыми выше великанами *дивами*, нѣкогда существами свѣтлыми и прекрасными.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представлений, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ Славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ миѣическомъ ихъ значеніи у Славянъ. Такъ у Горенскаго мыса, близъ Руяны, есть скала, имя ей *Божій Камень* (*бужь-камъ*, *buskaht*); близъ Будешина двѣ горы своими названіями напоминаютъ дуализмъ

Зендавесты, именно: *Бѣлый богъ* и *Черный богъ*³².

Преданіе о миѳическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, *лежащаго* именно *на горѣ*. Объ этомъ повѣствуетъ одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ³³. Однажды слышалъ онъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ, и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора*. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпилъ я за сучокъ,“ говоритъ великанъ. Илья напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,“ говоритъ великанъ. Потомъ, оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: „А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною

³² Слич. *О вліян. христіанства на слав. яз.* стр. 56.

³³ Замѣтки Аксакова, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ! Меня и земля не держитъ. Нашель себѣ гору и лежу на ней.“

Итакъ, этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ: ясно, что гора сильнѣе земли. Такія несообразности очень не рѣдки въ народныхъ преданіяхъ, но, что особенно любопытно, иногда отлично объясняются они воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи зарожденія миѳовъ и языка. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ блистательное подтвержденіе русскому миѳу находимъ въ одномъ изъ названій горы по-санскритски: *поддерживающая* или *держущая землю*³⁴, такъ что гора, по этому названію, представляется какъ бы пьедесталомъ для какого-нибудь миѳическаго существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли. Согласно этому воззрѣнію, русскій великанъ дѣйствительно нашель, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ

³⁴ *Бу-дара* (б и д придыхательные): сложено изъ *бу* — земля, *дара* — несущій или держащій.

землю, точно такъ какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.

Уже въ древнѣйшую эпоху Чехи также представляли себѣ миѳическаго великана лежащимъ на горѣ, или носимымъ горою, какъ это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: *Кръко-ноша*, то-есть, несущая чешскаго героя *Крока*, отца княжны Любуши и ея двухъ миѳическихъ сестеръ, — или же несущая польскаго миѳическаго героя *Крака*, которому преданіе приписываетъ основаніе города Кракова.

Нѣкоторыя миѳическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ отечественнаго прозвища *Горьничъ*, *Горьнище*, *Горьнинка*, то-есть рожденный или рожденная отъ *горы* или *Горьни*. Такъ миѳическій змій русскаго эпоса прозывается *Змій Горьничъ*; исполинская чародѣйка — *Баба-Горьянка*.

Арійскій прототипъ нашихъ *Горьничей* сохранился въ миѳическихъ герояхъ

Барг овасахъ, дѣтяхъ *Бргу*, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамою (*праджанатис*). А *бргу* собственно значить гора, и отъ него отечественная форма *барг авасъ* – горыничъ.³⁵

Слѣдуя древне-арійскимъ преданіямъ, сѣверная миѳологія признаетъ Тора соотвѣтствующаго нашему Перуну, сыномъ Горы, то-есть Горыничемъ, потому что матерью его была *Fiörgyn* (гора); также и Фрея была Горынянка, отъ отца *Fiörgynn* (гора).³⁶ Вообще сѣверные великаны горъ носятъ названія, происшедшія отъ слова *berg* (санскритски *бргу*, то-есть гора): то-есть они или самыя горы, или горыничы.³⁷

Такъ какъ миѳы о титаническихъ существахъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническимъ ученіемъ о происхожденіи міра, стихій, растеній, металловъ; и такъ какъ названія предметовъ въ языкѣ часто соотвѣтствуютъ

³⁵ *Б* въ обоихъ словахъ придыхательное. Отъ санскритск. *бргу* происходятъ нѣм. *Berg* и наше *брегъ*, *берегъ*. Слич. Pictet, *Les Origines Indo-europ.* Стр. 125–127.

³⁶ Скандин. *Fiörgyn* женск. рода и *Fiörgynn* муж. рода, имѣютъ при себѣ въ готскомъ *fairguni* – гора, средн. рода.

³⁷ См. Вейнгольда *Die Riesen des Germanischen Mythos*, въ *Sitzungsberichte d. Philos.-historischen Classe d. Kais. Academie d. Wissenschaften*. 1858 г. Февраль.

возрѣніямъ, воспитаннымъ мифологіею и бытомъ народа: то, говоря о горыничихъ, нельзя не упомянуть о санскритскомъ названіи желѣза *gīridжа*, что слово въ слово значитъ: *рожденный отъ горы*.³⁸

Дѣйствительно, космогоническій эпосъ внесъ въ свой эпизоды, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ, мифъ о происхожденіи металловъ вообще, и въ особенности желѣза. Согласно національнымъ возрѣніямъ и условіямъ мѣстнымъ, въ наибольшей свѣжѣсти этотъ мифъ сохранился въ Финской *Калевалѣ*.

„Воздухъ всему мать, такъ разказывалъ самъ Вейнемейненъ: вода старшая сестра³⁹, желѣзо — младшій братъ, а средній между ними огонь. Укко⁴⁰, творецъ всего, Богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю. Только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потеръ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой коленкѣ: и родились оттого три прекрасныя дѣвицы, три матери

³⁸ Сложено изъ *gīri* — гора и *джа* — рожденный. Ближе всѣхъ къ этому слову литовское *гележис*, съ обычнымъ переходомъ древнѣйшаго *p* въ позднѣйшее *l* и *i* въ *e*. Наше *желѣзо* есть смягченная форма литовской.

³⁹ Въ подлинникѣ, *братъ*.

⁴⁰ Укко верховное божество, собственно *дядь*.

металловъ⁴¹. Отъ желтаго молока первой родилось золото, отъ бѣлаго молока другой — серебро, а отъ чернаго молока третьей — желѣзо. Только что родилось на свѣтъ желѣзо, захотѣлось ему повидаться съ своимъ милымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго братца желѣзо. Желѣзо бѣжить, спасается прыткимъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается желѣзо въ зыбучихъ болотахъ, въ гремучихъ ручьяхъ, и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда гуси... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ ногами волка трясется болото, подъ лапами медвѣдя перегибается поле: желѣзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмаринень (это вѣщій

⁴¹ Точно такъ и отъ колѣнь Имира происходитъ первое на землѣ челоѣкообразное существо, согласноиндѣйскому миѳу происхожденіи каствъ отъ головы, рукъ и ногъ Брамь. Слич. въ русскомъ стихѣ о *голубиной книгѣ*

Завелось крестьянство православное,
Отъ того *кална* отъ Адамова. (Сборн. Варенцова стр. 22.)

кузнецъ финскаго эпоса), родился и выросъ, на угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросталъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ... Онъ собираетъ желѣзо, и, расковывая его на огнѣ, готовитъ оружіе и всякую утварь.“

Огненный, летучій змій Горыничъ, или Горынчище, по русскому эпосу, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоценные металлы, такъ же какъ скандинавскій змій Фафниръ хранитъ роковой кладъ Нифлуговъ. Еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ богатырь Добрыня Никитичъ⁴² пошелъ купаться на Изрой рѣку. Струя подхватила Добрыню и унесла въ пещеры бѣлокаменные къ лютому змію. Поразивъ змія и дѣтей его, Добрыня

Нашелъ въ пещерахъ
бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,

⁴² Слич. юридич. значеніе *колѣна* въ устройствѣ нѣмецкой семьи, Ia. Grimm, *Deutsche Rechtslth.* Стр. 468. Старшій въ родѣ по-русски называется *колѣно*, откуда *колѣно* и *поколѣніе* въ смыслѣ рода-племени. Кирш. Данил., стр. 345 и слѣд.

Нашель онъ много злата,
серебра.

Остатокъ великановъ горной породы, во всей ясности, сохранила русскій эпосъ въ колоссальномъ типѣ *Святогора*⁴³. Уже самое имя его указываетъ на связь съ *горуо*. Живетъ онъ на *Святыхъ Горахъ*. Святыми называются онѣ, конечно, не въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь полуполучила свой эпитетъ *святая*, первоначально безъ всякаго отношенія къ *святости* православія, потому что безъ самыхъ пошлыхъ натяжекъ никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпитета съ исключительно-христіанской точки зрѣнія. Какъ упомянутого выше исполина горы *земля не держитъ*, потому и лежитъ онъ на горѣ, такъ и о Святогорѣ говорятъ Ильѣ Муромцу калики перехожіе:

...Не выходи драться
Съ Святогорскимъ
богатыремъ:

⁴³ Сборникъ Рыбник., стр. 35, 33.

*Его и земля на себѣ черезъ
силу носитъ.*

По одному варіанту Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную*, но и его силы на то не хватило. Съ натуги

*...По колѣна Святогоръ въ
землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а
кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и
встать не могъ.
Тутъ ему было и кончаніе.*

То—есть, погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли, будто скала.

Русскій миѳъ о превращеніи младшихъ богатырей въ камни или скалы, вѣроятно, первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей, или титанической. Въ послѣдствіи, когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то и на нихъ онъ

могъ перенести этотъ миѡъ, какъ на существа необычайныя. Слѣдственно, несмотря на то что русскій эпосъ смѣшиваетъ разныя эпохи, и, не затрудняясь никакими анахронизмами, заставляетъ своихъ до-историческихъ богатырей быть современниками и Татаръ, и московскихъ царей, и Ермака, все же въ народѣ довольно ясно сознаніе о томъ, что богатырей давно уже на землѣ нѣтъ, что они жили когда-то въ первобытныя времена, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; что это были существа особенныя, вознесенныя изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, и своими личными качествами, своею сверхъестественною природою, и тою средой, въ которой дѣйствовали.

Этотъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на миѡѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный на младшихъ богатырей, во всей ясности обозначился въ былинѣ о томъ, *отчего перевелись витязи на святой Руси*⁴⁴.

⁴⁴ Напечатана въ *Сынъ Отеч.* 1856 г. № 26. Слич. мои *Историч. Очерки II*, стр. 13–14. Слогъ этой былины, очевидно, подновленъ.

Однажды богатыри младшей эпохи и Владимірова цикла собрались на Сафать-рѣкѣ. Тутъ былъ Горденко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Ивавъ Гостиный Сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и наконецъ самъ Илья Муромецъ. На этой рѣкѣ произошла у нихъ битва съ Татарами (обыкновенный анахронизмъ). Богатыри одержали блистательную побѣду, и возгордились до того что въ своей похвальбѣ рѣшились вызывать на бой *силу нездѣшную, небесную*, то-есть, сверхъестественную, съ точки зрѣнія, конечно, миѳологической. Только что вызвалъ Алеша Поповичъ силу нездѣшную, какъ явилось двое воителей, существа другаго міра, и храбро идутъ въ бой съ богатырями. Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, и со всего плеча разрубаетъ ихъ пополамъ, и къ великому удивленію, двое воителей не пали мертвыми, а только умножились: ихъ стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ Добрыня Никитичъ, перерубилъ ихъ пополамъ, и опять стало

ихъ вдвое больше, и живы всѣ. Бросился ва чудесныхъ враговъ самъ Илья Муромецъ, и еще разъ удвоилась сила нездѣшнихъ воиновъ. Тогда

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить...
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчуть...
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа,
три минуточки,
Намахались ихъ плеча могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры...

Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
какъ и окаменѣть,
Какъ подбѣжить другой, какъ и
окаменѣть,
Какъ подбѣжить третій, такъ и
окаменѣть...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись
витязи на святой Руси.

Если подъ *здѣшними* воителями, основываясь на выраженіи *сила небесная*, разумѣть *ангеловъ*, въ позднѣйшемъ, то-есть въ христіанскомъ смыслѣ; то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнью. Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія; потому что нигдѣ въ былинахъ они не выставляются врагами христіанскаго міра, и вообще русскій эпосъ избѣгаетъ всякаго враждебнаго столкновенія богатырей съ небесными силами, принимаемыми въ христіанскомъ смыслѣ. И

зачѣмъ было христiанскимъ ангеламъ или святымъ вести бой на смерть и потомъ погубить всѣхъ этихъ богатырей, которыхъ такъ чествуетъ и лелѣетъ народная фантазія? Это не совмѣстно съ законами справедливости и возмездія, которыхъ народный эпосъ свято держится въ приложеніи къ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ. Сверхъ того, самъ Илья Муромецъ, по народнымъ вѣрованіямъ, причисленъ къ лику святыхъ: какъ же онъ будетъ виновникомъ святотатственнаго возстанія противъ небесныхъ силъ христiанскаго міра?

Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла нездѣшной силы; потому въ варіантѣ приведенной былины, изданномъ въ сборникѣ г. Рыбникова⁴⁵, удвоятся подъ ударами богатырей, не воители небесные, а *Татара*. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ, Илья Муромецъ только что возгордился, подумавъ:

⁴⁵ Стр. 119.

„Еслибы была вся сила
небесная,
Прирубили бы и всю силу
небесную.“

Разгорѣлись всѣ сердца
богатырскія:

Разрубятъ Татарина
единого —

Сдѣлается два Татарина;

Разрубятъ два Татарина —

Сдѣлается четыре Татарина;

Умножилось *силы-войска*
поганаго

Во эвтомъ во полѣ во
чистомъ.

Рубилъ старый казакъ Илья
Муромецъ

Этую силу поганую великую,

И пересѣлся старый козакъ

Илья Муромецъ:

И *закаменьши конь* его
богатырскій

На эвтомъ полѣ на
чистомъ.

Итакъ, Илья Муромецъ является даже главнымъ виновникомъ этой борьбы, и самый конь его каменѣеть. Но только съ точки зрѣнія миѳологической можно объяснить эту странную метаморфозу нездѣшной, свѣтлой силы въ поганую. Ясно, что въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшными силами, надобно видѣть одну изъ тѣхъ миѳическихъ катастрофъ, которая выражаетъ народная фантазія у разныхъ народовъ, то въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ, то въ гибели Турсовъ и Ютовъ — сѣверныхъ великановъ — отъ молота бога Тора, то наконецъ въ конечномъ истребленіи свѣтлыхъ божествъ сѣверной миѳологии въ борьбѣ съ полчищами Суртура и чудовищнымъ отродьемъ злобнаго Локи.

Во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что въ катастрофѣ нашихъ богатырей смѣшиваются двѣ эпохи: 1) Первобытная — низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой; и 2) позднѣйшая — гибель новыхъ божествъ и

младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы: а *превращеніе* на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индоевропейскому Ману, — бросали позадь себя, и изъ cadaго камня рождался человѣкъ.

Наконецъ миѳическое превращеніе въ послѣдствіи низводится до чародѣйскаго явленія, производимаго вѣщимъ словомъ. Такъ одна вѣщая женщина оборачиваетъ камнемъ Потока или Потыка Михайлу Ивановича, а сама приговариваетъ:

Гдѣ былъ душечка Михаила
Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣль горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру
землю⁴⁶.

То—есть, утесъ погрязь въ землѣ, какъ
Святогоръ въ приведенномъ выше эпизодѣ.

Титаническія, стихійныя существа въ
исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою
преданія о первобытныхъ хаотическихъ
переворотахъ на землѣ, совершавшихся
нѣкогда могуществомъ высшихъ,
недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ,
горы, лѣса, воды, въ хаотическомъ
безпорядкѣ громоздились по землѣ, и какъ
существа одушевленные могли сдвигаться
между собою и раздвигаться, по приказанію
вѣщаго слова. Творецъ, устроитель земли
Русской, Вейнемейненъ русскаго
космогоническаго эпоса, подъ
позднѣйшимъ именемъ Егорія Храбраго,
ѣдетъ по Русской землѣ и —

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:

⁴⁶ Рыбник. стр. 223.

Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтъя по землѣ разстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни
проѣхати.

Святой Егорій глаголетъ:

„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!

„Встаньте и разшатнитесь

„Разшатнитесь, раскачнитесь...“

Наѣзжалъ Егорій на рѣки
быстрыя,

На быстрыя на текучія:

Нельзя Егорью проѣхати,

Нельзя Святому подумати.

„Ой вы еси, рѣки быстрыя!

„Рѣки быстрыя, текучія!

„Протеките вы, рѣки, по всей
земли,

„По всей земли свято–Рускіей,

„По крутымъ горамъ по
высокимъ,

„По темнымъ лѣсамъ по
дремучимъ...“

Наѣзжалъ на горы на толкучія:

Гора съ горой столкулася:

Ни пройтить Егорью, ни
проѣхати.

Егорій Святой проглаголывалъ;

„Вы горы, горы толкучія!

„Станьте вы, горы, по
старому...“⁴⁷.

Этой миѳической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землей и водой соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйною силой, безъ всякой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно, законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ. Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены, въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что, хотя они и не довѣряли невѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ

⁴⁷ Г. Безсонова *Калжи Перехо жѣ*, стр 449 и слѣд.

неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда же дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? — Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокаиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

III.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаменѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматорѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ въ очію какъ существо челоѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѣическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслию, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для челоѣка страшныя и непонятныя по своимъ дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силой, отъ которой нѣкогда челоѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ. Такимъ образомъ эпосъ о животныхъ (Thierfabel), въ своемъ

древнѣйшемъ видѣ, составляетъ существенное дополненіе къ народной космогоніи.

Тотъ же русскій Вейнемейнень, подъ видомъ Егорія⁴⁸, устроая изъ хаоса землю Русскую

Наѣзжалъ... на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на
рыскачійхъ;
А пастыть стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль
травя...
Пріѣзжалъ Егорій къ птицамъ
клевучимъ,
Къ птицамъ клевучимъ
нагайщинамъ:
„Вы послушайте, птицы клевучіи,
„Птицы клевучіи, вагайщины!
„Разлетайтееь, пропустите Егорья
Храбраго...“

⁴⁸ Безсонова, *Калки Перехоже*. Стр. 451. 473. 438. 418.

Наѣзжалъ на змѣи на огненны:
Изъ ротовъ пылить огонь—
поломя,
Изъ ушей дымъ столбомъ валить,
Ни пройтить Егорью, ни
проѣхати.

По одному варіанту, Егорій велѣлъ имъ разсыпаться по сырой землѣ, „во мелкіе дробные черенъица“; по другому — цѣлое стадо змѣиное замѣняетъ того змія исполина, въ крови котораго потонулъ было Егорій:

Вынималъ Егорій саблю
острую,
Посѣкъ онъ, порубилъ стадо
острое,
Стадо острое змѣиное;
Сталь же Егорій во крови во
бѣлую грудь;
Втыкаетъ Егорій свое скипетро
Во мать во землю:
„О, матушка, сырая земля,
разступися,

„На всѣ четыре страны
раздвинься,
„На четыре страны, на четыре
четверти,
„Ты пожри кровь змѣиную,
проклятую!“

Миѳическія преданія о чудовищныхъ змѣяхъ и волкахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища, у Славянъ восходятъ къ глубокой древности⁴⁹. Народъ *Невры* по свидѣтельству Геродота, жилъ въ странѣ лежащей на сѣверо-западъ отъ истоковъ Днѣстра, то-есть въ странѣ, которая до позднѣйшаго времени въ польской исторіи извѣстна подъ именемъ земли *Нурской*. Первобытныя ихъ жилища были, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но за столѣтъ до похода Даріева противъ *Скиѳовъ*, какъ свидѣтельствуется тотъ же греческій историкъ, *они принуждены были змѣями, частью расплодившимися въ ихъ краѣ, частью же пришедшими къ нимъ, изъ стѣверныхъ пустынь, оставить свои прежнія*

⁴⁹ Шафарикъ, *Славянскія Древности*, въ переводѣ г. Бодянского. Т. I, кн. I. Стр. 322 и слѣд.

жилица и искать пріюта у сосѣдняго и родственнаго племени, у Будиновъ. „Нравы ихъ, говоритъ Геродотъ, нѣсколько похожи на скиѳскіе; людей этихъ почитаютъ чародѣями. И точно, Скиѳы и Греки, жившіе въ Скиѳіи, разказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ опять принимаетъ свой прежній видъ.“ Скиѳы ли разумѣются подъ змѣями, которыя выгнали Невровъ, или что другое соотвѣтствовавшее до-историческимъ переворотамъ и миѳологическимъ о нихъ представленіямъ, — во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что какія-то племена оставили память о междоусобной борьбѣ, выразившейся преданіемъ о *Волкахъ — Неврахъ гонимыхъ змѣями*. Извѣстный срокъ пребыванія Невровъ въ волчьей шкурѣ, безъ сомнѣнія, назывался *Волчьими временемъ*, которое, судя по названіямъ мѣсяцевъ, у Славянъ, Литвы и Нѣмцевъ, простиралось отъ ноября до февраля включительно⁵⁰; и, можетъ-быть, самое

⁵⁰ Февраль у Славянъ называется *Лютый* (по эпитету волка: *лютый зверь*), а у Басковъ *Волчій мѣсяць*; у Латышей *Wilku mehnesis* (волчій мѣсяць) —

названіе зимняго времени, получившее свое начало отъ календарной системы, дало поводъ къ составленію миѡа о превращеніи Невровъ въ волковъ. Этотъ миѡъ, перешедшій въ вѣрованіе въ волколаковъ, или упировъ, вампировъ, и доселѣ самый популярный въ землѣ Нурской и въ сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волыни и въ Бѣлорусіи. Вблизи къ этимъ странамъ нѣкогда обиталъ страшный и могущественный славянскій народъ, который, соотвѣтственно сказанію Геродота о превращеніи Невровъ въ волковъ назывался *Волками* или *Лютичами*, потомками *Люта* или *Лютаго* (то-есть, тоже волка, по эпитету, *лутый*). Самый край, гдѣ жилъ этотъ народъ, именовался *Волкоміръ* то-есть *Волчій міръ*. Миѡъ о превращеніи въ волка еще во всей свѣжести процвѣталъ на юго-западѣ Россіи во времена *Слова о Полку Игоревѣ*, гдѣ между прочимъ о князѣ Всеславѣ говорится, что онъ „людямъ сулилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь

декабрь, такъ же какъ и у Славянъ, *Волчій* или *Влченецъ*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ въ старину *WolfmanSt* — ноябрь.

волкомъ рыскалъ, великому Хорсу (богу) волкомъ путь перерыскивалъ“.

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена *Зміевъ, Волковъ, Лютыхъ Звърей* и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Маѡы о титанахъ давали этому вѣрованію большой просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великановъ. Такъ тѣ же *Волки* или *Лютичи* иначе называются *Велетами* или *Волотами*; а слово *Волотъ* на бѣлорусскомъ языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о Волотахъ сохранилась въ *волоткахъ*, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы.

Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, въ нашемъ эпосѣ воспѣвается подъ именемъ *Тугарина Зміевича*, то-есть сынъ змія⁵¹.

Въ вышину ли онъ Тугаринъ
трехъ сажень

⁵¹ Кирш. Данил, стр. 183 и слѣд.

Промежь плечей косая
сажень,
Промежду глазъ калена
стрѣла.

Какъ великаны сѣвернаго эпоса, онъ отличается страшною прозорливостью:

По цѣлой ковригѣ за щеку
мечеть...
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья
ведра.

Тѣмъ же хвастается другое чудовище русскаго эпоса, *Идолъ* или *Идолице Поганое*:

Я вотъ по семи ведрѣ пива
пью,
По семи пудѣ хлѣба кушаю⁵².

По сказкамъ, этотъ Идолице появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей. „Голова у него съ пивной котель, во плечахъ—то коса сажень, промежь бровей—то борозда со три пяди, промежь

⁵² Рыбн. стр. 87.

ушей—то пройдетъ калена стрѣла; а вѣсть—то онъ Идолице по цѣлу быку, а пьетъ—то онъ по пивному котлу⁵³.

Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугаринымъ; потому Илья Муромецъ тѣми же словами осмѣиваетъ обжорство Идолица, какими Алеша Поповичъ — Тугарина:

У моего, сударя, батюшки,
Федора попа Ростовскаго,
Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ
поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Отъ того она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору
махнулъ;
Отъ меня Тугарину тоже
будеть.

Илья Муромецъ говоритъ Идолицу:

У нашего Ильи Муромца
батюшка былъ крестьянинъ,

⁵³ Кирѣевск. I, стр. XV.

У ёго была корова ѳдучая:
Она много пила—ѳла лопнула

Илья разсѳкъ Идолица пополамъ. Мѳсто этого чудовища иногда замѳняетъ *Полканъ Полкановичъ*, который сѳдалъ заразъ цѳлаго быка, а брагу пиль онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки.⁵⁴

Тугаринъ отличается отъ Идолица и Полкана Полкановича только тѳмъ, что, будучи змѳиной породы, летаетъ онъ на крыльяхъ по поднебесью.

Мѳстная кѳевская сказка повѳствуетъ о томъ, какъ нѳкоторый змѳй обложилъ Кѳевъ податью, взимая съ жителей себѳ въ жертву дѳвиць, и какъ нѳкоторый силачъ Кожемяка избавилъ городъ отъ бѳдствія, умертвивъ змѳя. Съ тѳхъ поръ будто бы и прозвалось урочище *Кожемяка*, по мѳсту жительства того силача⁵⁵. Въ лѳтописи Нестора Змѳй замѳненъ соотвѳтственнымъ ему въ эпосѳ лицомъ, великаномъ, Печенѳжиномъ, когораго будто бы

⁵⁴ Замѳтка Даля въ Сборн. Кирѳевск. I, стр. XXXIV.

⁵⁵ Кулиша *Записки о Южн. Росс.* II, стр. 27.

поражаетъ тоже Кожемяка. Сказаніе это пріурочиваетъ Несторъ ко времени князя Владиміра и къ основанію города Переяславля (зане перея славу отрокъ—отъ).

Миѡ о чудовищномъ змиѡ въ разныхъ концахъ нашего отечества получилъ различныя мѣстныя видоизмѣненія. Кіевскому Змію, убитому Кожемякою, соотвѣтствуетъ Новгородскій Зміяка—Перунъ и крокодилъ Волховъ. Въ Муромѣ, на родинѣ Ильи Муромца, летучій Зміѡ введенъ въ мѣстную легенду о Петрѣ и Февроніи. Зміѡ летаетъ къ княгинѣ муромской и ведетъ съ нею любовную связь, принимая на себя видъ князя Павла, брата знаменитаго Петра. Петрѡ убиваетъ Змія, но отъ его крови весь покрывается струпьями. Крестьянская дѣвица Февронья его исцѣляетъ и выходитъ за него замужъ. Но особенно процвѣталъ миѡ о чудовищномъ Зміи въ сосѣдней съ Муромомъ землѣ Рязанской, откуда былина ведетъ родъ Добрыни Никитича. Этотъ богатырь, какъ уже приведено выше,

еще въ юности своей прославился искорененіемъ лютаго Змія Горынчища и всего его рода, освободивъ изъ его пещеры свою тетку, слѣдовательно сестру князя Владиміра.

Послѣ Змія, особеннаго вниманія въ нашемъ эпосѣ заслуживаетъ чудовище—великанъ *Соловей Разбойникъ*. Его натура какъ—то двоится: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу, то онъ какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному; то онъ, какъ птица, гнѣздится въ гнѣздѣ на семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ дворѣ. Какъ существо отличное отъ прочихъ смертныхъ, онъ съ своею семьей составляетъ особую породу. Всѣ его дѣти на одно лицо. На вопросъ Ильи Муромца о причинѣ этого, Соловей отвѣчаетъ:

Я сына—то вырощу, за него
дочь отдамъ;
Дочку ту вырощу, отдамъ за
сына,
Чтобы Соловейкинъ родъ не
переводился.

Дочери у него были вѣщія. Старшая изъ нихъ даже по имени своему носить характеръ чудовищный: она звалась *Невея*, по имени одной изъ двѣнадцати сестеръ лихорадокъ, которыя ходятъ по свѣту и мучать родъ людской. По другому варіанту старшая дочь его была перевощицею, какъ бы олицетвореніемъ рѣки Смородины, какъ ужъ это было показано. Девять сыновей Соловья или девять зятьевъ, спасаясь отъ Ильи Муромца, обратились въ вороновъ, съ желѣзными клювами. Они какъ оборотни живутъ въ вороньихъ перьяхъ и понынѣ⁵⁶.

Русскій эпосъ приписываетъ Соловью разбойнику титаническую натуру, потому что разказываетъ о немъ то же самое, что сербскій о дивскомъ старейшинѣ, въ пѣснѣ, на которую было указано по поводу миѳа о дивахъ. Какъ въ сербской пѣснѣ царица, прогнанная своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ сыномъ Іованомъ попадаетъ къ дивамъ, и передаетъ своего сына дивскому старѣйшинѣ, съ которымъ вошла въ любовь; какъ и въ одной малорусской

⁵⁶ Сборн. Кирѣвскаго. 1, стр. 28, 37, 43, 81, 57. Тамъ же Замѣтка Даля, стр. XXXIII. — Сборн. Рыбник. стр. 57.

сказкѣ⁵⁷ царица съ своимъ сыномъ бѣжитъ отъ своего мужа и, тайно отъ сына, заводитъ любовь съ Соловьемъ Разбойникомъ. Какъ сербская царица, чтобъ извести своего сына, по совѣту дивскаго старѣйшины, притворяется больною и проситъ сына, чтобъ онъ для исцѣленія ея добылъ ей яблокъ съ дерева, которое стережетъ лютый змій; такъ и малорусская героиня, притворившаяся больною, тоже по наущенію Соловья Разбойника, проситъ сына добыть ей сначала вишни–черешни изъ саду Яги–Бабы, потомъ воды изъ источника, который стерегутъ двѣнадцать змиевъ. И сербскій и малорусскій богатырь успѣшно выполняютъ задачу. Тогда тотъ и другой подвергаются одинаковому бѣдствію по коварству своихъ матерей: оба лишаются зрѣнія. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья Разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ Змій⁵⁸.

⁵⁷ Сказка о Соловьѣ Разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ въ *Записк. о Южн. Рос.* Кулиша. II, стр. 48.

⁵⁸ Слич. въ 1–й части моихъ *Историч. Очерковъ*, въ главѣ о *Славянск. Сказкахъ*.

Сказанія о великанахъ—чудовищахъ въ русской лѣтописи трактуются только съ точки зрѣнія исторической. Это могущественные народы, съ которыми нѣкогда наши предки должны были вести борьбу. Какъ исполины русскаго эпоса перевелись на Святой Руси, превратившись въ камни и скалы, такъ и эти дикіе народы гибнуть, не оставляя по себѣ ни племени, ни наслѣдія. Именно въ этомъ смыслѣ передается Несторомъ извѣстное сказаніе объ Обрахъ. Есть, говоритъ онъ, притча въ Руси, и до сего дни: „Погибоша аки Обре“ — а *Обръ* у Славянъ⁵⁹ значитъ великанъ вообще. Согласно тому Несторъ свидѣтельствуется: „Быша бо Обре тѣломъ велици и умомъ горди.“ Мѣстная Дулѣбская сказка разказываетъ, что, покоривъ Дулѣбовъ, они ихъ мучили, запрягая ихъ женъ въ телѣгу, по три, по четыре и по пяти.

Другая сказка, полянскаго или кievскаго происхожденія, хотя не говоритъ прямо о великанахъ, но, въ общемъ европейскомъ

⁵⁹ Чешск. *Обръ*, древне-польск. *Обржимъ*. потомъ Ольбжимъ.

эпосъ, составляетъ эпизодъ о борьбѣ европейскихъ племень съ Гунами. Извѣстно, что Готѣы отличали себя оружіемъ отъ Гуновъ. Въ латинскомъ переложеніи пѣсни о Вальтерѣ (Аквитанскомъ) Готѣы дерутся мечами обоюдоострыми, а Гуны — саблями.⁶⁰ Мѣстная полянская сказка повѣствуетъ, что Полянѣ платили Козарамъ дань — *отъ дыма мечъ*. Козари, принеши мечи къ своему князю, говорили: „Вотъ нашли мы новую дань!“ А на это бывшіе тутъ старцы сказали: „Не къ добру эта дань, княже! Мы доискались Полянѣ оружіемъ обѣ одной сторонѣ, то—есть, саблями, а вотъ ихъ оружіе обоюду остро, то—есть, мечъ. Они съ насъ будутъ брать дань, и съ иныхъ земель.“ Такъ и сбылось.

Печенѣги тоже саблями сражались. Когда Святославовъ воевода Претичъ заключилъ перемиріе съ печенѣжскимъ княземъ, то получилъ отъ него въ даръ коня, стрѣлы и *саблю*; а самъ ему подарилъ броню, щитъ и *мечъ*. Миѡъ о великанахъ

⁶⁰ Jac. Grimm u Schmeller, *Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrh.* Стр. 75.

быль примѣняемъ къ Печенѣгамъ, какъ уже это упомянуто по случаю борьбы кожевника съ печенѣжскимъ великаномъ, соотвѣтствующимъ змію мѣстнаго сказанія кіевскаго.

Особенно знаменита была у насъ въ древности сказка объ единоборствѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедю, котораго Несторъ характеризуетъ великаномъ: „бѣ бо великъ и силенъ Редедя.“ Этимъ единоборствомъ должна была рѣшиться участь войны. Если одолѣетъ Мстиславъ, — возьметъ у Редеди его жену, дѣтей и все имѣніе; а если одолѣетъ Редедя, все заберетъ у Мстислава. Противники сѣпились другъ съ другомъ не оружіемъ, а въ рукопашную. Когда Мстиславъ сталъ изнемогать, обратился съ мольбою къ Богородицѣ, обѣщаясь ей соорудить церковь, если одолѣетъ. Богородица помогла, и Мстиславъ построилъ во имя ея храмъ въ Тмуторакани. Уже въ XI вѣкѣ это сказаніе воспѣвалось въ пѣсняхъ, какъ свидѣтельствуется *Слово о Полку Игоревѣ* о

Старой казакъ Илья
Муромецъ
Только молится Спасу съ
Богородицей:
„Не дай меня поганому на
поруганіе!
„Буду я служить до свѣту до
вѣку,
„За тѣ церкви за Божіи,
„За тую вѣру за крещеную!“

До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ Татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. Мѣстное смоленское сказаніе о витязѣ Меркуріи заставляетъ его бороться съ татарскимъ исполиномъ. Меркурія убиваетъ, по одной редакціи, сынъ этого исполина, по другой — какой-то прекрасный воинъ, существо светлое⁶². Это кажущееся противорѣчіе объясняется переходомъ свѣтлыхъ существъ, *дивовъ*, въ враждебныхъ великановъ и чудовищъ.

⁶² Мои *Историч. Очерки*. II, 195.

Въ одной пѣснѣ позднѣйшаго склада⁶³ какой-то русскій дворянинъ выходитъ въ бой съ великаномъ-чудовищемъ, которое называется *Чудо поганое*:

А Чудо поганое о трехъ рукахъ.

Дворянинъ прирубилъ у него *всѣ головы*. Но за Чудо вступаются *идолища* поганые и одолевъаютъ русскаго витязя.

Художественныя формы средневѣковаго стиля, византійскаго и романскаго, во многомъ объясняемая миѳологіею и народнымъ эпосомъ, могли поддерживать въ творческой фантазіи склонность къ чудовищнымъ и исполинскимъ образамъ. Какъ эпосъ воспѣвалъ необычайныхъ исполиновъ, будто бы предшествовавшихъ появленію обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и живописныя и скульптурныя произведенія наивно отличали святыхъ отъ простыхъ

⁶³ *Кири. Данил.* стр. 379.

людей исполинскимъ ростомъ. Эпосъ повѣствоваль о борьбѣ богатырей съ зміями, лютыми звѣрьми и другими чудовищами: и суевѣрная фантазія находила подтвержденіе этимъ повѣствованіямъ въ чудовищныхъ сюжетахъ барельефовъ или прилѣповъ, которыми украшали храмы романскаго стиля. Изъ смѣси художественныхъ формъ этого чудовищнаго стиля съ преданіями народныхъ миѳовъ выходили новыя повѣрья и новые образы, въ которыхъ произведенія народной фантазіи оправдывались христіанскою легендой и средневѣковымъ ученіемъ о природѣ, распространявшимся въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ фізіологій или бестиаріевъ. Потому, чуть ли не до эпохи Возрожденія и Реформаціи, народная миѳологія и эпосъ вносили свои элементы въ искусство и литературу, содѣйствуя живучести темныхъ суевѣрій и предрасудковъ. Оторванный отъ своей первобытной миѳической основы, эпосъ не переставаль однако возраждать новыя

формы, питаясь легендами, демонологіей и вообще мечтательнымъ настроеніемъ умовъ, символическимъ и мистическимъ. Позднѣйшая сказка объ основаніи Москвы⁶⁴ состоитъ именно изъ этихъ смѣшенныхъ элементовъ. „Поѣхаль князь великій Данило Ивановичъ изыскивать места, гдѣ ему создать градъ престольный княженію своему. И взялъ съ собою Гречина, именемъ Василя, мудраго и вѣдающаго чему впередъ быть. И выѣхаль съ намъ въ островъ темный и непроходимый, а въ немъ болото великое и топкое. И посреди того болота увидѣлъ великій князь Данило Ивановичъ *звѣря превеликаго и пречуднаго, троеглаваго и краснаго*. И спросилъ онъ Василя Гречина: что есть видѣніе сего чуднаго звѣря? И сказалъ ему Василий Гречинъ: Великій княже! На семь мѣстѣ сожиздется градъ великъ и распространится царство треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордѣ люди: это прообразуетъ звѣрь сей троеглавый;

⁶⁴ По сборнику XVII в., принадлежащему мнѣ.

различные же на немъ цвѣты — то есть отъ
всѣхъ странъ учнутъ въ немъ жить люди“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ө. БУСЛАЕВЪ